

ЛУЧШИЙ РОМАН ОБ ОТНОШЕНИЯХ МУЖЧИНЫ И ЖЕНЩИНЫ

Татьяна Веденская

ВПЕРВЫЕ В ЖИЗНИ,
ИЛИ СТЕРЕОТИПЫ ВЗРОСЛОЙ ЖЕНЩИНЫ

тираж
превысил
3 миллиона
экземпляров!

Книга Татьяны Веденской лучше сеансов психоанализа
возвращает к жизни.

О.Маховская. психолог, писатель

Татьяна Веденская

**Впервые в жизни, или
Стереотипы взрослой женщины**

«Автор»

2014

Веденская Т.

Впервые в жизни, или Стереотипы взрослой женщины /
Т. Веденская — «Автор», 2014

Мы, женщины, даже представить не можем, насколько подвержены стереотипам: вступать в брак – только после долгих отношений; любить – так исключительно идеального мужчину; рожать – обязательно в полной семье... Но жизнь многообразнее, чем наше представление о ней. Стоит только не поддаваться жизненным устоям, как ты понимаешь, что можешь быть счастлива вне привычных представлений. Давние подруги – Анна, Олеся, Нонна и Женя – однажды осмелились отступить от стереотипов. Впервые в жизни Женя почувствовала себя важной для будущего ребенка, впервые в жизни Олеся поняла, что ее возлюбленный на самом-то деле привязан к ней, впервые в жизни Анне пришлось... заплатить деньги за счастье с мужем, впервые в жизни Нонна поняла, насколько важны для нее подруги...

© Веденская Т., 2014

© Автор, 2014

Содержание

Часть первая	6
Ах, эта свадьба...	6
Закона ради...	14
Маленькая проблема с субординацией	21
«Выпьем, няня, где же кружка?»	26
Доброе утро, страна!	33
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Татьяна Веденская

Впервые в жизни, или

Стереотипы взрослой женщины

© Саенко Т., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

* * *

Посвящается тем, кто не боится рисковать своим сердцем

Часть первая

Временами выше нуля

*Так ли уж много абсолютно нормальных людей в нашем мире?
Ведь никто этого не проверял всерьез.*

Ах, эта свадьба...

Платье невесты было длинным, многослойным, пушистым и, конечно же, белоснежным, как и положено быть свадебному платью. А что до пятна на рукаве от брызг пролившегося кофе, так его уже тщательно замаскировали, пришили наспех маленький кружевной цветок. Невеста чувствовала себя скорее усталой, чем счастливой, и все же в ожидании того самого момента ее сердце трепетало, и тепло растекалось по всему телу при мысли о том, что скоро, вот уже буквально через час, через полчаса, через двадцать минут – или даже прямо сейчас, – их объявят мужем и женой.

Жениха немного штормило: не иначе как принимал «для храбрости» с утра. Вчера был мальчишник. Свадьба – тяжелая повинность, почти работа. Жених выглядел так, словно шел на заклание или как минимум совершал невероятный подвиг.

Гости тоже уже замучились ждать в коридоре, переглядываясь с другими женихами и невестами, другими наборами свидетелей и приглашенных. Кто-то даже принялся уточнять, кто за кем именно стоит и в каком порядке их всех будут «брачевать». Не иначе как хотели пролезть вперед без очереди. Загс загсом, и торжественность момента тоже, конечно, важна, а ждать не хотелось. Надоело хуже горькой редьки.

Жених был так себе, но невеста еще не видела этого. Ни того, что «без высшего», ни того, что в носу ковырнулся, даже не отвернувшись. То, что поддат, заметила, но что ж теперь, останавливать с таким трудом и такими деньгами подготовленную свадьбу?

Молодые были и вправду молоды – оба понятия не имели даже, где будут жить. Как раз накануне будущая теща голосила насчет того, что в их квартире все не разместятся. Но кто об этом будет думать в такой торжественный момент. Музыка заиграла, и зал наполнился очередной партией людей, измученных «нарзаном». Церемония началась с задержкой на час. Обычно так и бывает к середине рабочего дня. Накопилось время по ходу дела. Никто же вовремя не приходит.

Вовремя не приходит никто. Свадьба Олеси Рожковой¹, неуверенной в себе и своем женихе актрисы, черноволосой женщины двадцати четырех лет, была назначена на половину третьего, но ее начало могло перевалить и за три часа. Могло бы отложиться и до четырех... Олесь крутила эту мысль у себя в голове, как мантру, и сердцебиение немного замедлялось, дыхание выравнивалось. Она давно не нервничала так, как сегодня, здесь и сейчас – в этот конкретный вторник октября месяца, теплый и все еще солнечный денек.

Белые круглые часы на стене в «Останкино» показывали без десяти два. До Олесиной свадьбы оставалось всего полчаса с копейками, а она застряла тут, на прослушивании, и не было никакой надежды, что ей удастся выбраться к назначенному времени. Но ведь вовремя не приходит никто? Что, если в загсе все будет именно так, как видится ей в ее голове – картина,

¹ Впервые эта героиня и ее подруги появляются в романе Т. Веденской «Загадай желание».

созданная воспаленным воображением. Невеста в платье с пятном от кофе, жених, поминутно выскакивающий покурить. Толпа свидетелей и родственников.

Как глупо. Как безобразно глупо все это совпало – прослушивание и нелепо, практически на спор назначенная свадьба Олеси с Максимом Померанцевым. И даже если в загсе ее бы могли понять (и простить), то Максим – возлюбленный жених, мужчина, который вот уже два года сводил Олесю с ума и лишал последних крох оставшегося достоинства, – он бы не простил ее никогда. И не потому, что опаздывает. Он сам опаздывал миллион раз на встречи не менее важные, чем собственное бракосочетание. Максим мог бы понять пробки, северный ветер в лицо, какие угодно еще обстоятельства, удержавшие Олесю от своевременного появления в загсе. Что угодно, но только не очередное бестолковое, не приносящее ролей прослушивание на «каком-то там канале». Максим ненавидел это Олесиное «фиглярство». Все, чего он хотел, – это чтобы она раз и навсегда перестала разыгрывать из себя актрису. Он лично и многократно ей об этом говорил. Умолял очнуться и посмотреть на вещи трезвым взглядом. Посмотреть на себя со стороны.

– Как давно были сделаны эти фотографии? – спросил продюсер с канала, держа Олесиные снимки брезгливо, двумя пальцами. Девушка чуть было не поперхнулась от такого «веселого» вопроса.

– Около полугода назад, – ответила она, но продюсер, кажется, не поверил. Грузный и суровый мужчина, Олеся никогда прежде не встречалась с ним, потому что никогда прежде не выходила на такого уровня собеседования. Он видел сотни портфолио, сотни лиц, девяносто девять из которых его всегда разочаровывали. Оставшиеся единицы «добивали» продюсера тем, что не обладали ни пластикой, ни харизмой, ни умением скакать на лошади, когда это было необходимо.

– Хорошо, пройдите в освещенную зону, – устало кивнула помощница продюсера, заталкивая обратно в конверт фотографии, сделанные, по правде говоря, еще когда Олеся училась в «Щуке» – года три с половиной назад. Разве она так сильно изменилась? На фотографиях она была улыбчивая, открытая, доверчивая, темпераментная. Черт-те сколько времени и сил пришлось убить на то, чтобы добиться этого эффекта. Хорошо еще, что Олеся была воистину фотогеничная, иначе с ее скромной внешностью можно было бы вообще ни на что не рассчитывать.

– В каком театре вы играли? – пробормотал режиссер скорее из вежливости или от скуки, нежели из подлинного интереса. Олеся знала, что означают такие сонные лица, такие короткие, но выразительные обмены взглядами. Не вариант. Она не спала всю ночь, думая о том, как усидеть одной попой на двух стульях. Максим мирно спал рядом, и от одной мысли о том, что она собирается совершить, сон уносило прочь.

– Роль второго плана в драме Скоросвечевского «Шило-мыло», – ответила Олеся, хотя вопрос был о театре, а не о том, кого именно и как она там играла. Тем не менее отвечать надо было именно так. Театр, где ставилось «Шило-мыло», был маленьким, зато сам спектакль получил хорошие отзывы. У Олеси там было двенадцать реплик и целых два часа сценического времени без текста. Это было хоть что-то за спиной.

– «Шило-мыло»? – скривился продюсер. – Вроде я слышал.

Олеся вошла в ярко освещенный софитами круг, в декорацию, предполагавшую под собой помещение следственного отдела. Кто их видел – такие следственные отделы: роскошные столы, стеллажи со стеклянными дверцами, компьютеры с экранами огромных размеров. Настоящие следователи спят, как говорится, и видят. Олеся подошла к хромакею² – зеленому

² Технология совмещения, при которой на зеленый фон ткани впоследствии накладывается изображение или видео.

куску специальной ткани, вместо которой потом, в программе, можно будет подложить что угодно, любую картинку.

– Как только вы будете готовы, – кивнула помощница продюсера. Олеся набрала воздуха в грудь и быстренько прокрутила в голове текст, который повторяла про себя весь вчерашний день (и ночь), а также сегодняшнее утро. Максим уехал из дома еще в восемь утра, даже не зная о том, какие муки терзают его невесту. О свадьбе в половине третьего не было сказано ни слова. В этом был весь Максим. Кто его знает, собирался ли он вообще жениться.

– Мы имеем дело с профессионалами, – сказала Олеся, двигаясь по декорации к одному из компьютеров. – В последний раз я сталкивалась с этим шифром несколько лет назад, по делу Назарчука. Пришлось тогда повозиться.

Олеся склонилась к экрану, старательно отслеживая углы съемки, чтобы не перегородить картинку и не обрезать ее. Текст был абсурдно стандартным для сериалов такого плана. Главное новшество – девушка должна была изображать то ли эмо, то ли панка – в черных джинсах, рваной майке, со всклокоченными волосами и каким-то непристойным макияжем.

Гений-хакерша по роли, Олеся с трудом могла сосредоточиться на том, что происходит. Глаза снова выхватили круглые часы на стене. Два часа десять минут. Она схватилась за голову и встряхнулась, буквально пытаясь привести себя в чувство. Затем потерла виски и принялась размахивать какими-то стекляшками.

– Анализ следов вещества с подоконника показал наличие серы. – Олеся встряхнула волосами, присела и начала стучать по клавишам.

– Ты чего такая нервная? – спросил ее режиссер, хотя проба предполагала один сплошной монолог. Олеся вздрогнула и обернулась.

– Сигарет нет? – спросила она, снова отметив еще пять потерянных минут.

– Ты же бросила, – усмехнулся режиссер.

– С вами бросишь! И к тому же я не спала всю ночь. Не могу спать, когда есть над чем подумать. Этот шифр... Все время ловлю себя на том, что что-то тут не так! – Олеся тоже ухмыльнулась черт знает чему и вместе со стулом перескочила к другому компьютеру, словно в нем содержалась какая-то другая база данных. Такое иногда случалось на пробах. Направление меняли, смотрели, как и насколько хорошо актриса выглядит с разными эмоциями на лице. Олеся знала, что в данный момент сериал ищет замену актеру, игравшему этого хакера в сериале. За работу в детективном сериале Олеся была готова убить. Шансов получить роль – минус сто процентов. И все же – вот она, тут, около хромакея, а не там, в загсе. Придуманная девушка в белом платье села в длинный свадебный лимузин – фу, какая пошлость – и покинула загс. Из комнаты бракосочетаний выглянула невысокая, полная женщина со строгим лицом, выясняя, куда делась Рожкова. Олеся просто не могла остановить эти мысли.

– Спасибо, достаточно, – лениво пробормотал продюсер, и ее сердце гулко стукнуло и пропало, исчезло совсем. Тут же стало понятно, причем всем присутствующим без исключения, что ни суетливое беганье по сцене, ни ухмылки, ни взъерошенные волосы и старательная актерская игра не могут помочь – не видать Рожковой таких ролей. Не хватает чего-то. Какой-то фактурности.

– Спасибо вам, – бросила она и побежала в сторону двери. Телефон в сумке лежал мертвый, он был отключен на время прослушивания, которое затянулось на четыре часа дольше, чем Олеся рассчитывала. Она должна была освободиться задолго до того, как Максим Померанцев заподозрит неладное.

И теперь Рожкова неслась в сторону загса, хоть в этом и не было никакого особенного смысла. Минуты бежали как сумасшедшие, и половина третьего миновала, застав Олесю в такси. Она набрала еще раз номер Максима, но он не отвечал. Абонент был недоступен,

теперь уже, наверное, навсегда. Олеся влетела в помещение загса в четверть четвертого, сама уже не понимая, зачем она тут и что делает.

Людей вокруг было много, и никому не было дела до приехавшей невесты. Женили уже тех, кто был записан на половину пятого. Максима в загсе не было. Этого и следовало ожидать.

– Простите. – Олеся с виноватым видом протиснулась сквозь толпу шикающих на нее людей в праздничных костюмах. Ее наряд тут был буквально неуместен, но переодеваться в платье теперь было незачем. Выйдя из загса, она огляделась вокруг себя, совершенно не понимая, куда пойти и что делать со всем этим.

Простое понимание факта, что Олеся Рожкова сама лично, своими руками, а также ногами и прочими частями тела сорвала свадьбу, о которой мечтала два года, – одно это делало ее несчастной. Вопрос «и почему я уродилась такой дурой?» теперь встал как никогда остро. Чтобы хоть как-то справиться со всем этим, оставалось только одно средство. Звонить Анне!

– Господи, да зачем мне вообще сдалась эта роль! – рыдала Олеся в трубку своего смартфона, в трех местах треснувшего, но все еще работавшего. Чудеса, да и только. – Даже если бы был шанс ее получить?! Хотя о чем я говорю, никакого шанса же и не было, никогда не было. Все, на что я способна, – это вести какие-нибудь костюмированные балаганы или разыгрывать клоуна на детских утренниках.

– А еще ты – отличная Снегурочка, – поддержала Олеся Анна, которая сразу по голосу подруги поняла, что дело плохо.

– Да брось ты, – расхохоталась Олеся, сделав изрядный глоток пива из бутылки, хотя теперь уже было строго-настрого запрещено пить на улицах Москвы. Олеся сидела на лавочке с ногами, пила пиво и плевать на все хотела. Она была бы сейчас даже рада, если бы ее забрали в полицию. Но переулочек был пуст и равнодушен к Олесиным проблемам.

– Нет, правда. Снегурочка ты была...

– Отвратительная, – проговорила Олеся по слогам. – Ну что, дети, позовем Деда Мороза? Или ну его к черту, обойдемся без этих дурацких просроченных конфет, которыми отравиться можно?

– Олеська, а ты почему не сказала, что у вас сегодня свадьба? Я бы поехала, задержала там Максима, – вздохнула Анна.

– Никто бы не смог удержать Максима. Он наверняка уже у Леры, – совсем раскисла Олеся. – У нее ему хорошо, у Леры не надо наступать на горло собственному воспитанию и образованию. Там он может сколько угодно говорить об экзистенциализме и посткретинизме. Или о чем там они говорят после секса? Уж Лере Максим, наверное, даст почитать свою чертову книгу! Уж она-то достойна лицезреть его мысли.

– А ты, вообще, где находишься? – не на шутку обеспокоилась Анна. – Ты далеко от меня?

– Я черт-те где от тебя! Я просто не в себе. И сейчас сойду с ума от горя и страданий, стану ведьмой. – Олеся «пошла» цитировать Булгакова и открыла третью бутылку пива. Она всерьез решила пропасть на этой улице, вернее, в этом переулке, и никогда, никогда, никогда не возвращаться к себе домой, в двухкомнатную квартиру с малюсеньким балконом, через стенку которого можно было переговариваться с Нонной – еще одной подругой из их благородного квартета. Что было делать ей там без Максима?

Весь прошлый год она приходила в себя после того, как они расстались. Несколько месяцев назад Олеся снова вышла из себя, потому что Померанцев вернулся. Сбылись молитвы. Не совсем так, как хотелось, но все же. Он пришел и сказал, что, пожалуй, она его раздражает меньше, чем радует. В устах Максима это был комплимент. И вот Олеся не пришла на собственную свадьбу. Если бы кто-то сказал ей, что так будет, она бы рассмеялась ему в лицо. И плюнула бы туда же. А куда плевать теперь?..

– Давай я за тобой приеду? – предложила Анна, хотя одновременно в ее голове тут же возникли вопросы, сразу много вопросов. Вопрос первый: с кем оставить Сашку и Вовку, близнецов-первоклашек, которые только что вернулись из школы, причем не в самом лучшем своем расположении духа. Не с Машкой же, их старшей сестрой, которая не может присмотреть даже за своим хомячком. Вопрос второй: что делать с щами, которые стоят на плите и находятся во второй стадии готовности из пяти. Выключить? Доделать потом? Оставить мясо плавать в остывающей воде? Мясо по триста пятьдесят рублей за кило? Вопрос третий...

– Не надо за мной приезжать. Я пьяная, помятая, как пионервожатая, и только детей твоих напугаю.

– Вся эта история со свадьбой с самого начала была какой-то... Ну, ты понимаешь, – пробормотала Анна, решив не настаивать на немедленной эвакуации подружки невесты откуда.

– Нет, Ань, я ничего не понимаю. Я бы поняла, если бы что-то подобное выкинул Максим. На то он и Померанцев, чтобы вытворять бог весть что. Но я как представляю, что он там стоял, пусть даже пять минут, ждал, смотрел на часы, злился... У меня все внутри переворачивается. Буквально сердце кровью обливается. Как я могла! Вот что в толк взять не получается. Я буквально физически не смогла отказаться от прослушивания. Ты понимаешь, ведь знаю же, что там наверняка есть кто-то из своих. Они вообще актрису ищут на замену. Но, скорее всего, возьмут актера: хакер – девочка? Г-хм, вряд ли, да? Но не смогла я, не смогла. Прусь на все эти прослушивания как дура. Вели мне на базаре играть Петрушку, и буду играть, и от радости запрыгну на крышу «Метрополиса». Зачем мне все это? Я ненавижу сцену! Ненавижу!

– Ну а роль-то как? Дадут?

– Ни черта не дадут, кроме пенделей. – Олеся понурила голову и отставила бутылку. Даже пить стало скучно и неинтересно.

– На телефон не отвечает? – Это даже был не вопрос. Утверждение. Померанцев никогда не отвечал на телефонные звонки, если знал, что Олеся сходит с ума от беспокойства или ревности, или желания извиниться. Сейчас от всего сразу. Наверное, Померанцев выкинет телефон, чтобы она мучилась всю оставшуюся жизнь.

– Я поеду домой, – выдохнула Олеся, почувствовав долгожданную опустошенность и бессилие. Острая стадия временно перешла в привычную, хроническую.

– Я приеду к тебе попозже, хочешь?

– Не знаю, – честно ответила она. – Я лягу спать, скорее всего.

– Ты только... – Анна замешкалась. Полтора года назад, когда Померанцев бросил ее подругу и ушел странствовать по миру (его очередная журналистская блажь), Олеся настолько сходила с ума, что чуть не наглоталась таблеток. Правда, как заверял всех потом Ванька, младший брат Анны, она только вид делала. Может быть, даже сама в это верила, как хорошая актриса. Хорошая и безработная актриса Олеся бегала по квартире с банкой, где лежало какое-то заграничное снотворное, и безостановочно что-то говорила.

Все это напоминало спектакль, драму, из тех, что обычно ставят во МХАТе – трагикомедию с матерщиной и совершенно великолепными острыми монологами, так что Ваня не мог принять все это за чистую монету. После таких монологов получают аплодисменты и горы букетов, а не таблетки глотают.

Может, оно и так, а только рисковать было страшно. Актрисы – женщины тонкой натуры, черт их поймет, что у них там на уме. Анна волновалась. Она всегда и за всех волновалась, такой уж у нее был характер.

– Анют, ничего я с собой не сделаю. Может быть, даже вообще сейчас передумаю и к тебе припрусь. Буду чай пить и гадать на кофейной гуще.

– Для этого придется пить кофе.

– С коньяком, – усмехнулась девушка. – Устала я, знаешь, Ань!

– Устала? От чего?

– Любить этого козла, – пробормотала Олеся и отключилась. Ветер положил к ее ногам пожелтевшие листья тополей, она посмотрела на старый, в трех местах разбитый смартфон, сунула его в карман, проверила, не мнется ли в сумке ее портфолио – старое, а другого нет. Хотя и надо об этом задуматься. Продаться на какой-нибудь дорогой нефтегазовый корпоратив в качестве ведущей и сделать наконец новую фотосессию. Чтобы не ошеломлять продюсеров и режиссеров эффектом «до» и «после» просмотра Рожковой вживую.

Олеся пнула недопитую бутылку пива кончиком туфли, потом устыдилась, подняла и несла с собой, пока не нашла мусорную урну около метро. Во дворах мусорных урн почему-то не оказалось, или она плохо смотрела. Метро долго и муторно катилось в сторону Строгино. Перегруженная ветка в час пик буквально изнемогала под давлением бегущей по домам ответственности. Реклама на вагонных стенах была перечитана вдоль и поперек, и в голове образовалась приятная лучистая пустота, когда ни одной мысли, ни одной эмоции. Только вот это – «Что? Болит? Выход есть. «Спазмолет» – ваш ответ!»

– «Спазмолет» – наш ответ. – Олеся перебирала слова, меняла их местами, ухмыляясь, и вспоминала, как снималась в такой же вот абсурдной рекламе. Она в отвратительных серых лохмотьях, с перемазанным лицом бегала за людьми на площади – Олеся была кариесом. Одно было хорошо (и одновременно плохо). Эту рекламу реально прокрутили в течение трех или четырех месяцев по нескольким каналам, так что в каком-то смысле это был ее звездный час. Нет, девушку не стали узнавать на улицах, но все друзья-приятели поздравили с такой несомненной актерской удачей.

Померанцев, конечно, тоже. Он тогда смеялся, как заведенный, и все любопытствовал, не присудили ли Олеся за эту роль «Оскар». Это было в тот день, когда он решил вернуться из своего долгого странствия. Почему-то обратно к Олеся. В ее маленькую квартиру, от которой она забыла забрать у него ключи. Интересно, что бы было, если бы они действительно поженились? Интересно даже то, как бы это выглядело со стороны.

Перед ними определенно была бы та самая пара, что Олеся придумала – с лимузином и пятном от кофе на свадебном платье. Померанцев стоял бы в самом конце коридора и морщился бы от такого изобилия лиц и такого откровенного проявления нормальных человеческих эмоций. Скорее всего, они бы даже не стояли рядом. Померанцев бы отгородился «от этого беспредела» какой-нибудь газетой. «Ведомостями» или даже Moscow Times, выпендренчик. Олеся бы сидела где-нибудь поодаль и смотрела бы на него, как кролик на удава. Благородные черты лица были столь обманчивы. Нежная сила рук, красивый поворот головы, эта вечная небрежность, присущая только моделям или очень богатым людям. Красивая одежда, которую он носил с такой непринужденностью, о которой Олеся только могла бы мечтать.

Что бы он ответил на вопрос, готов ли он стать мужем Олеся Рожковой, дерганой, нервной актрисы, вечно боящейся поправиться, несмотря на то, что никакой угрозы этого даже не намечается. Он бы, наверное, мог сказать сотруднице загса, что спешит и у него нет времени на эти глупости. Случайные свидетели могли бы подумать, что эта свадьба фиктивная, ненастоящая. Ну не могут два столь холодных, столь отстраненных человека жениться по любви. Это, правда, если не смотреть в напряженные, полные страха глаза Олеся.

Она открыла квартиру – два поворота ключа, второй оборот иногда проворачивается. Замок давно пора менять. В коридоре снова навалено много одежды. Сегодня утром, как только Померанцев ушел, Олеся принялась перемерять весь свой гардероб. Два наряда – один для прослушивания, другой – красивое бежевое платье, расшитое по подолу вручную, – для свадьбы. Второй наряд не понадобился. Так и лежал в сумке. Все остальное лежало кучей на тумбе в прихожей.

Олеся не стала включать свет. В Москве темно, и сумерки накрывали незашторенное кухонное окно, как теплое кашемировое покрывало. Она прошла на кухню, прямо так, в сумраке, заварила себе чай, залезла с ногами на стул и принялась смотреть в окно на молодую

луну. Просидела там, наверное, час, прежде чем решила, что хватит, что надо пойти и лечь спать. Или включить телевизор, ведь теперь она снова сможет смотреть, что ей хочется. Максим ненавидел весь развлекательный контент, и тот, в котором Олеся работала, и тот, который смотрела. Что ж, опоздав, она в каком-то смысле освободила себя.

Сможет смотреть мультики, кулинарные шоу, «Спокойной ночи, малыши!». Когда-то Олеся с ума сходила от мечты вести «Спокойной ночи, малыши!». Будет смотреть «Битву экстрасенсов». Там, кстати, есть чему поучиться – вот уж люди умеют делать шоу. Свечи, загробные жизни, черные тени на глазах...

– О чем думала на кухне? Ты была там так долго! – Голос заставил Олесю буквально подпрыгнуть на месте. Первая мысль – загробная жизнь настигла ее безо всякого шоу. Потом увидела его – сидящего на стуле посреди комнаты. Так же, как и она, без света, без движения.

– Откуда ты тут взялся? – пробормотала Олеся, не зная еще, какую пытку он приготовил, но заранее ожидая худшего. Ей не было видно его лица. Померанцев сидел против оконного света, виден был только контур – нога заброшена на ногу, руки сплетены на груди. Волосы чуть развеваются – открыта форточка.

– Я? Хороший вопрос, – усмехнулся Максим. – Ты что же, так и будешь делать вид, что ничего не произошло?

– Я... я... – Олеся в буквальном смысле онемела, не зная, что сказать, как объяснить и с чего начать. Только не с прослушивания, об этом стоит вообще промолчать. Лучше что-то соврать. Олеся не умела хорошо врать, если оно только не было заготовлено заранее. Она была актрисой – не шпионом, живущим в постоянной лжи. В сущности, была очень простой и открытой как книга.

– Я не стану просить у тебя прощения, если ты этого ждешь, – прошептал вдруг Померанцев, заставив Олесю наморщить лоб и глубоко задуматься над смыслом услышанного.

– Не надо... кх-х... не надо просить прощения, – пробормотала она, просто не зная, что еще можно сказать. Раз так, тогда и она, пожалуй, подождет с покаянием.

– Только вот... это получилось нечаянно, – продолжил он, а Олеся молилась про себя, чтобы свет в комнате не включался как можно дольше. Чтобы не осветил ее лица, ибо сейчас на нем было совсем неправильное выражение. Конфуз и непонимание, смутная догадка, облегчение и одновременно острая обида.

– Хочешь сказать, тебе помешали пришельцы? Челябинский метеорит? – Олеся уже нащупала роль. Не всю, конечно, но основную канву.

– Я забыл о времени, встречался с издателем. А потом у тебя был отключен телефон.

– О господи! – воскликнула Олеся куда громче, чем собиралась. Померанцева тоже не было в загсе – вот оно что. Она, получается, сэкономила себе целый вагон переживаний. Это не он, а она могла бы стоять в загсе, подпирая стены, набирая номер, отводя глаза в сторону от других глаз, от счастливых пар. Олеся должна была бы сейчас рыдать на Аннинном плече или лежать в собственной ванной, пьяная в стельку, потому что Померанцев не пришел.

– Что господи? Это просто штамп! Он вообще ничего не значит! – вспыхнул он. – Зачем тебе это? Что изменится в твоей жизни, если станешь моей женой? Ты думаешь, что станет легче со мной жить?

– О, это вряд ли, – усмехнулась Олеся. – Этого не жду.

– Тогда зачем? Объясни мне, и я соберусь с силами, и действительно приду туда, и буду натягивать на твой палец кольцо. Какая-то глупость. Зачем это нужно? – Померанцев встал и отвернулся к окну. – Почему мы не можем жить, как живем.

– Но ведь ты сам предложил, – напонила ему Олеся.

– Да, предложил. Потому что вижу, как сильно ты этого хочешь. – Он покачал головой, а она не смогла совладать с собой и ухмыльнулась – тихо, сама для себя, в полнейшей тем-

ноте. «Нет, мой дорогой Максим, выходит, не так уж сильно я этого хочу, как ты думаешь, раз сегодня в загсе не было ни одного из нас».

– Я хочу твою фамилию, – ухмыльнулась Олеся. – В остальном вещи меня устраивают такими, какие они есть.

Максим обернулся и несколько секунд изумленно смотрел на Олесю, словно пытаясь вычислить, откуда взялось это «новое» и что за странное спокойствие в ее жестах. Почему его девочка не кричит, не кидает ему в лицо обвинения и упреки? Что это – новая форма защиты? Отрицание? Может быть, Олеся даже репетировала эту манеру игры, потратила на это весь вечер. Она же актриса.

Да, актриса. Наверное, впервые и уж конечно только в своей голове Максим назвал ее так. Актриса. Он кивнул и пересек темную комнату, протянув руку Олесе. Максим прекрасно знал: какие угодно слова могут быть сказаны, любые жесты или заламывание рук. Даже такое вот наигранное спокойствие – актрисы все это могут и умеют, но когда Олеся окажется в его руках, в тот самый момент она окажется и в его полной власти. Тут Рожкова была бессильна.

Закона ради...

Анна сидела посреди своей огромной гостиной, совмещенной с кухней, и смотрела на настенные часы, красивые, громоздкие, с кукушкой, которая, правда, уже не куковала. И вовсе не оттого, что не могла этого делать – еще как могла. Громко, четко, каждый час кукукала как заведенная – ничем не остановишь. Кто их только таких порождает на свет – кукушек.

Анна терпела и даже привыкла, хотя друзья-знакомые и вздрагивали, когда кукушка с непонятным скрежетом выплывала из своего гнезда и принималась заливаться. Но потом родилась Машка, близнецы – и в один прекрасный момент Анна просто встала на стул и вырвала кукушку с деревянного насеста. Владимир смеялся, как сумасшедший, а Анна кричала, что, если он хочет, чтобы в их доме кто-то кукукал, она готова взять эту роль на себя – за умеренную своевременную оплату. И даже демонстрировала, как именно она будет кукукать.

Владимир – покойный муж Анны. Его не было в живых уже пять лет, а часы все висели и поскрипывали раз в час, запуская механизм, которого каждый раз не оказывалось на месте. Анне это обстоятельство уже не казалось странным. Когда-то, когда Владимира только не стало, Анна с не совсем здоровым изумлением рассматривала вещи, которые он носил, чинил, приносил в дом и вешал на стены. Они остались, а он исчез. Не уехал, не сбежал к другой, а просто перестал существовать. Тогда, много лет назад, эта мысль просто сводила с ума. Анна очень любила Владимира. Но теперь любила другого мужчину, и ее мучал вопрос, где, собственно, черти носят этого самого «другого». Именно поэтому-то она и смотрела на часы.

– Что, все еще не вернулся? – раздался тихий женский голос за Анниной спиной. Полина Дмитриевна, мама Володи, формально уже давно чужой Анне человек, волновалась, куда же подевался их рыжий ирландец, Матгемейн Макконели, в которого пару месяцев назад без памяти влюбилась Анна.

– И не звонил, – задумчиво пробормотала Анна.

– А чего свет не включаешь? – Полину Дмитриевну в простонародье называли бабушкой Ниндзей за способность бесшумно передвигаться в абсолютной темноте, не издавая при этом ни звука. Таким образом и с такими способностями она всегда оказывалась в нужном месте в нужное время. Впрочем, никакой особой фантастики в таких талантах бабушки Ниндзи не было – подобной способностью, так или иначе, обладает любая женщина с маленькими детьми. Чтобы не разбудить драгоценное чадо (а всем известно, какие дети милые, когда спят), женщины приспосабливаются не ходить, а красться, не ставить тарелку на стол, а помещать ее туда, как карту на вершину хрупкого карточного домика.

Фокус был только в том, что Полина Дмитриевна сохранила и развила в себе эти способности до невиданных размеров и качеств. И это с ее-то артритом, с ее-то хрустом в суставах, на который она всегда жаловалась.

– Голова болит. Без света лучше, – вздохнула Анна и подошла к окну. Из большого панорамного окна гостиной открывался шикарный вид на Строгинский затон. Когда-то Владимир мечтал пройти под парусом по заливу. Теперь Анна мечтала, чтобы Матгемейн – Матюша – поскорее вернулся домой.

– Да ничего с ним не случится.

– Да? – хмыкнула невестка. То есть формально бывшая уже, конечно, но связанная таким количеством лет, трудностей и пережитых вместе слез, что теперь уже пожизненная. – Рыжий двухметровый парень, не говорящий ни слова по-русски? Конечно, что может случиться с таким? – Анна всплеснула руками и отошла от окна.

– Может быть, куда-нибудь позвонить? – предложила свекровь.

– Куда? В морг? – вытаращилась на нее невестка и в буквальном смысле позеленела. Отчего именно этот вариант возник в ее воспаленном воображении, неизвестно. Или, впрочем,

известно откуда. Да, конечно, чего еще может бояться женщина, муж которой в свое время скоропостижно, буквально за одну секунду, умер от аневризмы мозга? Анна не хотела и боялась признаваться себе в этом, но, с тех пор как она встретила Матгемейна, каждую минуту волновалась и боялась, что он тоже может вот так... исчезнуть.

– Почему в морг? – уставилась на нее Полина Дмитриевна.

– О боже, за что мне это?..

– А куда его вообще понесло? – поинтересовалась баба Ниндзя.

– Да не знаю я. Он что-то сказал, да разве ж я его понимаю? Что-то вроде про клуб.

– По клубам пошел? Хорош влюбленный! – фыркнула было свекровь, но Анна даже бровью не повела. Матгемейн был музыкантом, играл практически на чем угодно, что могло издавать звуки. Гитара, флейта, волынка, бутылки из-под пива, оставленные подругами Анны, – Матюша извлекал гармонию из всего. Они и познакомились же на фестивале, где Матгемейн, приглашенный музыкант в составе ирландской группы, с упоением выводил рулады, отбивая ногой такт... пока не увидел Анну, конечно.

– Я так поняла, там ему вроде работу предложили, – пояснила она, хотя в глубине души сомневалась в том, что поняла Матюшу правильно. Трудности перевода. С одним языком у них не было проблем, только в одном месте они понимали друг друга без слов – в тишине и темноте их комнаты, когда даже просто прижиматься друг к другу, ощущать тепло большого тяжелого мужского тела было счастьем. Анна совершенно не представляла, как смогла бы жить дальше без него.

– Да какую работу? Кто станет приглашать в клуб никому не известного волынщика? – усомнилась баба Ниндзя. Полина Дмитриевна не могла понять, как столь невозможно другой, во всех смыслах нерусский, не наш Матгемейн сможет прижиться на русской земле. Как бы он там ни любил Анну. И ее мысли имели под собой определенную почву. За те месяцы, что Матюша провел тут, в квартире Анны, он то постоянно сидел в этих своих фейсбуках и твиттерах, то бесконечно смотрел фильмы на планшете, потому что русское телевидение по-английски, как говорится, «нэ размовляло».

– Может быть, он нашел какую-нибудь фолк-группу? – предположила Анна, снова проверяя свой телефон. Ни звонков, ни СМС.

– Ага, и теперь начнутся гастроли. – Свекровь сначала сказала, а уж потом пожалела, потому что Анна посмотрела на нее большими глазами влюбленной кошки. Сдурела, сбрендила. Полина Дмитриевна вздохнула, включила маленькую лампочку под кухонным шкафом – верхний свет включать не стала, сама знала, что такое мигрень – и принялась суетиться, кипятить чайник, мазать масло на хлеб, делать бутерброды. Анна постояла еще, прожигая взглядом совсем уже опустевшую дорогу к дому. Снова бросила взгляд на часы – половина первого. Любой концерт уже кончился бы. Любая вечеринка – с этим сложнее, но она была уверена, что Матюша не остался бы просто так. Или хотя бы позвонил.

– Что-то случилось! – замотала головой она и, отказавшись от бутербродов в любой форме, принялась чертить круги по гостиной. – Надо что-то делать.

– Звони в полицию, – предложила свекровь, а Анна, уцепившись за эту мысль, тут же побежала, схватила трубку, набрала телефон «02», который оказался теперь не столько номером полиции, сколько экстренных служб вообще – на все случаи жизни. Если у вас горит – нажмите один, если вас заливают – нажмите два, если вы думаете, что умираете, – нажмите три, если думаете, что убивают кого-то за соседней стеной, – нажмите четыре. Вернуться в главное меню – нажмите ноль. Ваш звонок очень важен для нас. Оставайтесь на линии, и наш оператор обязательно ответит. Вы – шестой в очереди.

– Господи, да если бы нас грабили, то воры успели бы вынести не только деньги и драгоценности, но и мебель, технику, даже квартиру бы успели переоформить на себя, пока ты ждешь! – ворчала баба Ниндзя.

– Оператор 322223, слушаю вас! – раздался женский голос в Аннином ухе, перекрывая ворчание свекрови. После столь долгого ожидания она растерялась и не сразу поняла, что оператор обращается к ней и что он, вернее, она – живая, не автоматическая.

– Да! – воскликнула Анна.

– Что да? – опешила оператор.

– У меня пропал человек, – собрала остатки мыслей невестка.

– Иностранец, – прошипела бабушка Ниндзя, полагая по старой памяти, что для наших «органов» рыжий человек иностранного происхождения ценится выше, чем родной, отечественной выделки.

– Да какая разница! – прошипела Анна в ответ.

– Как давно пропал? – строго спросила 322223.

– Уже четыре часа как должен был вернуться, – сказала Анна и тут же почувствовала смущение, так как, во-первых, все-таки не четыре, а три. Концерты, если что, кончаются поздно. – Не отвечает на телефон.

– Гудки идут? Может быть, просто не хочет отвечать? – предположила 322223, на что Анна тут же обиделась и расстроилась уже окончательно. Главным образом потому, что и сама именно этого и боялась. Что Матюша устанет от всего этого, устанет от нее и, увидев ее номер на экране своего смартфона, просто вздохнет и положит его обратно в карман. Что однажды он подойдет к ней с немного виноватым лицом, скажет, что хочет слетать ненадолго в Дублин, чтоб... ну, не знаю, проверить, выключен ли газ. А то вдруг забыл, когда улетал в Москву. И исчезнет навсегда Матгемейн Макконели, до невозможности рыжий возлюбленный Анны, только его и видели. Почему она об этом думала? Да потому что это был самый вероятный сценарий.

– Вдруг с ним что-то случилось? – зло ответила Анна. Операторша помолчала, а потом предложила обратиться в региональное отделение полиции с заявлением, но не раньше утра.

– Юридически ваш муж пока что не считается пропавшим. Мало ли что его задержало. Надо подождать.

– Муж... – протянула Анна, и операторша моментально напряглась и затянула что-то про то, что заявления принимаются только от родственников и супругов. Голос ее был при этом каким-то неприятным, чересчур вежливым и в то же время презрительным. Будто хотела сказать – много вас тут, мужиков ищут. Они от вас бегают, а вы это на нас валите. Придет к утру мужик, помада на рубашке, перегар и плюс какие-то нелепые отмазки. Не беспокойте людей, не отрывайте по пустякам.

Анна отключилась, не дожидаясь продолжения, и в полнейшей растерянности посмотрела на бабу Ниндзю. Полина Дмитриевна пожала плечами. Уж ей-то от того, что Матгемейн исчезнет, будет только лучше. Легче жить. Нет, Анну Полина Дмитриевна любила как родную дочь, тем более что ее любили все. Аню было легко любить – статную блондинку со спокойным и миролюбивым характером, настоящую русскую красавицу, только без коня и горящей избы. Анну любили подруги, любил младший брат Ванька, тот самый, который сейчас служил в армии, хотя до этого был вечным студентом. Раздолбай. Хиппи недоделанный, доигрался и попал в войска в двадцать четыре года. Ее любили бездомные собаки, консьержки в подъездах и старушки на скамеечках около домов.

Полина Дмитриевна втайне мечтала, чтобы Матгемейн этот, будь он неладен, исчез из их жизни как можно быстрее. Чтобы миновала эта ирландская страсть Анны. Какие были варианты до него! Олег Зарубин, коллега покойного сына Полины Дмитриевны, Володеньки, ухаживал за Анной. Вот это был бы муж. Уж его бы не надо было разыскивать с фонарями по городу. Не пьет, не курит (а нет, курит, но это же ерунда). Моряк, работает в системе речных круизов, мог бы устраивать детям отдых каждое лето.

– Вдруг его избили и бросили на улице? – прошептала Анна, и баба Ниндзя вздохнула.

– Давай обзванивать отделения полиции и вытрезвители, – сказала она, заставив невестку покраснеть. Да, был эпизод. Однажды Матюша вернулся глубокой ночью с какого-то концерта (по его словам) весьма и весьма нетрезвым. Правда, на своих двоих дошел, но все же... Прецедент.

– Хорошо, – кивнула Анна, которой было все равно что делать, лишь бы не сидеть на месте в темной гостиной окнами на Строгинский затон. Баба Ниндзя притащила из коридора справочник, и они принялись жать кнопки, разговаривать с самыми разными людьми, задавая одни и те же вопросы: не задерживали, нет ли какой информации, нет, не муж, но все же... Пожалуйста, как личное одолжение.

– Он – иностранец, он по-русски не говорит, – поясняла баба Ниндзя, поглядывая на уже практически бьющуюся в истерике Анну. Ох, беда, беда. Любит невестка это рыжее чучело. Прямо трясется, как в лихорадке. Угораздило же. Да и он Анну тоже любит. Трясется, по крайней мере, точно так же.

Несколько месяцев назад, когда Матгемейн предложил Анне переехать к нему в Дублин, а Анна отказалась (хорошая девочка, умная, куда детей-то потащила бы, а), он приехал в Россию. Приехал по визе, что была открыта для фестиваля, каким-то чудом нашел дом, в котором был всего один раз, и сказал, что будет жить там, где Анна, если это – цена того, чтобы быть с ней. «Чучело-мяучело».

– Иностранец? Звоните в миграционный отдел, – сказал бабе Ниндзе какой-то полицейский из теперь уже не вспомнить какого отделения полиции. – А он у вас легально в России? Откуда иностранец-то? Из Таджикистана? У нас сейчас рейды, чистки идут.

– Из Ирландии, – пояснила Полина Дмитриевна.

– Гхм, – искренне удивился офицер. – Что ж, все равно. Позвоните, кто знает. Запишите телефон.

Полина Дмитриевна записала, но отвечать этот номер не захотел. Либо был бесконечно занят, либо просто игнорировал поступающий гудок с презрением глухого человека. Процесс шел бы по кругу и дальше, но у Анны кончилось терпение. Она решила, что надо немедленно ехать, причем, по ощущению бабы Ниндзи, все равно куда. Анна уже заметалась, начала собираться, переодеваться, потом она позвонила Жене – подруге, у которой имелась машина.

– Что? – сонно и растерянно переспросила Женька, время-то как раз подходило к четырем утра (или ночи?). – Куда?

– В миграционную службу.

– Это что, прикол? – зевнула Женька. – Ни разу не слышала, чтобы миграционные службы принимали по ночам. Про ночь в музее слышала, про ночь в ОВИРе – ни разу.

– Ладно, извини! – насупилась Анна. – Я возьму такси, – и чуть было не отключилась.

– Да ладно тебе, я пошутила. Просто не понимаю, куда мы едем. Но уже встаю.

– Спасибо! Спасибо, Женечка! – пробормотала Анна и тут же побежала на улицу ждать ее там. Можно было, конечно, позвонить и Нонне. В конце концов, у той тоже была машина – не «Хендай», правда, а обычные «Жигули», но водила она их ловко. Нонна была подругой детства, и в какой-то мере было бы даже логичнее позвонить и разбудить ее. Нонна обожает заниматься чужими проблемами и влезать в не касающиеся ее дела. В какой-то степени именно поэтому Анна и не захотела привлекать Нонну к поискам Матюши.

Нонна изначально была настроена против этого романа. Женька же Анну понимала. И к тому же теперь, когда Женька была беременна, да не от кого-то там, а он Ванюшки, бедового брата Анны, они стали практически семьей. К кому же еще идти с бедой, как не к члену семьи.

– Вы хоть знаете, куда ехать? – взволновалась баба Ниндзя, стоя в халате на подъездном крыльце. Сама она поехать никак не могла – дети. Ее внуки, ее внучка – все, что осталось от Володеньки. Не так уж и мало. Очень даже немало.

– Я думала, ты знаешь, – покачала сонной головой Женька. Беременности еще не было заметно, если только не надевать обтягивающих лосин или тонких трикотажных платьев. Но для тех, кто знал Женьку, различия были огромными. Она не поправилась, но округлилась, и цвет лица изменился, она стала какой-то светящейся, полной внутреннего смысла. И дерганность движений исчезла, и эта вечная неуверенность в себе, взгляд брошенного щенка, готового пойти за любым, кто поманит кусочком сосиски... Женька стала другой, ее взгляд теперь был спокойным, обращенным большей частью внутрь себя.

– Я не знаю. Но мы найдем. Нам нужна миграционная служба. Мы звонили в вытрезвители – его там нет, – пояснила Анна, и Женька обменялась изумленным взглядом с бабой Ниндзей.

– Мы обзвонили больницы – вроде он тоже туда не попадал. В полиции тоже сказали, что не арестовывали.

– То есть он никого не убил и не ограбил? – ухмыльнулась Женька. – И кто из вас первый вообще предположил, что Матюша на это способен?

– Да никто не предположил! – разозлилась Анна. – Мы звонили во все места.

– Ладно, ладно, – вздохнула Женька. – Поехали.

И они поехали. Помотались по ночной Москве, поражаясь пустоте дорог и гонщикам, летящим по этим самым дорогам со слепой уверенностью в собственном бессмертии.

– А если колесо лопнет? – возмущалась Женька. – Или на дороге кирпич? Что, мало на наших московских дорогах кирпичей? Я сама вот словила – не кирпич, но камешек, будь он неладен. – И Женька ткнула пальцем в длинную трещину, ползущую по лобовому стеклу от правого «дворника» вверх.

– И сколько стоит починить? – поинтересовалась Анна.

– О, ну его в баню. Ничего я чинить не буду. Вот Ванька из армии вернется – пусть и занимается. Он же сказал, что теперь обо всем позаботится. А что на деле? Его вижу только по скайпу! – возмутилась она. – У меня утренняя тошнота, а он мне рассказывает, как их заставляли отжиматься на плацу. И как кто-то от перегрузки обделался прямо на этом самом плацу. Это, конечно, сильно помогает мне снять приступ!

– И все же сегодняшняя армия – это уже не то, – пожала плечами Анна. – Какой-то курорт. Где они там скайп раздобыли?

– Там только один смартфон на роту, и, чтобы позвонить, между прочим, твой брат чьи-то там наряды берет на себя.

– Наряды? – повернула голову Анна. Женька усмехнулась. Анна умела прекрасно стричь волосы, делать макияж. Умела шить самые великолепно красивые *наряды*, но ее братец, конечно, не о тех нарядах говорил.

– Все. Приехали. Вон вывеска. – Женька махнула рукой на табличку около обшарпанных деревянных дверей. Центр временного содержания нелегальных мигрантов. Анна кивнула и поблелдела.

– Ты пойдешь со мной? – спросила она свою беременную подругу. Женька покачала головой и заглушила двигатель.

– Нельзя так нервничать. Все с ним в порядке. Даже если он не здесь, все равно ты должна как-то успокоиться. – Женька закрыла дверь. Сигнализация сломалась, и теперь приходилось закрывать центральный замок ключом, но и на это, как и на многое другое, Женьке было плевать. Лишь бы ребенок развивался здоровеньким. Все-таки рожать первенца в двадцать девять лет. Какое там – рожать его она будет уже в тридцать.

– Я не могу не нервничать, – буркнула Анна. – В прошлый раз, когда мой муж не вернулся домой, за этим последовали похороны и все остальное. Я всегда буду нервничать. И Маттемейн, между прочим, должен это понимать! Если с ним все в порядке, я его убью!

– Это очень логично, – кивнула Женя, открывая двери в заведение, в которое после этого дня мечтала больше не попасть никогда. Ни по каким вопросам. Ни при каких обстоятельствах.

Во-первых, запах. Во-вторых и третьих – тоже запах. Кислый, затхлый запах, элитный коктейль из ароматов никогда не мытых тел, пота, страха, грязных стен, испражнений и прочих неизбежных составляющих «мигрантского быта». Сотни людей, ежедневно проходящие через одни и те же грязные комнаты, лежащие на одних и тех же деревянных лежаках, пользующиеся одними и теми же писсуарами.

– Господи, не дай бог он тут, – прошептала Анна, едва вдохнув аромат «несвободы».

– Думаешь, лучше будет, если мы найдем его в одном из московских СИЗО? – попыталась пошутить Женя, но Анна только побледнела еще больше, и подруга всерьез испугалась, что утренняя тошнота сейчас случится с совершенно небеременной Анной.

– Вам кого? – на них обеих с изумлением смотрел сонный полицейский, который надеялся, что хоть в промежутки между пятью и шестью утра сюда, в его вотчину, никого не принесет нелегкая. – Девушки?

Анна принялась сбивчиво объяснять проблему. Женька пыталась перевести ее взволнованные междометия на нормальный, человеческий язык, отчего усталость и огорчение офицера только увеличилось.

– Он здесь?

– Я не имею права выдать вам такую информацию. В конце концов, вы ему не жена, – грубо бросил офицер, прикидывая, что будет, если он просто запрется от дамочек в кабинете.

– Но это же не его вина! – ответила Анна, поразив офицера в самое сердце такой вот формулировкой. Он постоял несколько секунд, раздумывая над тем, как теперь строить разговор. Вины ирландца в том, что красивая высокая русская женщина с безумными глазами не была его женой, не было действительно никакой. С другой стороны, а ради чего дергаться?

– Дай ему денег! – прошептала Женька Анне, и вопрос неожиданно начал разрешаться. Денег у Анны с собой было около пятнадцати тысяч. Женька нашла еще десять, когда выяснилось, что разговорчивый рыжий мужик со странным английским в центре «передержки» действительно имеется.

– Они его взяли на Садовом, – пояснял офицер, аккуратно вынимая бумаги на Маттемейна. – При нем не было никаких документов, а в базах данных ОВИРа его виза уже значилась как просроченная.

– Господи, как все сложно, – всплеснула руками Анна. – Он же не просто так, он же со мной!

– Но ирландец же не кот, правда? Усов, лап и хвоста недостаточно. Есть же все-таки закон, – вздохнул полицейский и ушел за задержанным. Ожидание продлилось всего ничего – минут пятнадцать, но Анна все эти минуты бегала по комнате из стороны в сторону, из угла в угол, вызывая у Женьки приступы головокружения и желания дать любимой подруге по голове.

Результат – минус двадцать пять тысяч, что было мучительно тяжело для Анны, так как она до сих пор расплачивалась с Зарубиным, но через пятнадцать минут Маттемейна – целого и невредимого, правда, ужасно воняющего и диковато озирающегося по сторонам – привели в комнату и передали Анне с рук на руки.

– How are you, honey? – спросил он, испытывая явное неудобство из-за подозрительно большого количества грязи на одежде и невыносимого запаха, который он источал.

– Я в порядке, – ответила Анна, не справившись и все же заплакав. Она бросилась к нему и принялась целовать в губы, наплевав на все запахи и все обстоятельства.

– They said they could throw me away! – пробормотал он, и Анна пожалела, что не взяла вместе с Женькой и Нонну. Все же та была учительницей английского. Но – гугл в помощь – и Анна поняла, что Матгемейн говорит о той самой возможной депортации, о которой ни один из них до сего момента не думал.

– Нет, нет. Они не смогут, – заверила его Анна. – Почему ты весь в грязи? Они били тебя?

– Они уронили меня в лужу, – написал через переводчик Матюша, и Анна принялась рыдать еще сильнее. Полицейский, который выпустил Матгемейна, начал испытывать смутное беспокойство: слишком много эмоций, все это опасно для его карьерного роста. Уж не погорячился ли он, взяв деньги и уничтожив начатое было дело о депортации.

– Так, дорогие мои, пойдемте-ка отсюда, – скомандовала Женька, заметив это выражение на лице полицейского, но Анна задержалась на секунду.

– Но что же нам сделать, чтобы такого больше не было? Какие нужны визы? Куда обращаться? – Анна проявляла такую невероятную степень наивности, что офицеру стало даже как-то неудобно.

– Вы, девушка, поймите. Он либо иностранный гражданин с просроченной визой – и тут уж никаких вариантов. Если его депортируют, назад уже никогда не пустят.

– Либо? – вмешалась Женька.

– Либо он ваш законный муж и тогда имеет право вида на жительство на территории Российской Федерации, – пояснил слуга закона, с наслаждением прощупывая купюры в кармане. Анна и Женька переглянулись, потом, не сговариваясь, повернулись к Матюше, который все еще никак не мог прийти в себя от пережитого шока. Он посмотрел сначала на Анну, потом на Женю, а потом на офицера, не понимая, о чем они говорят, и опасаясь возможного продолжения этой ночи. Мало ли что еще плохого могут тут с ним сделать.

Женька нахмурилась, кивнула и подошла ближе к Матюше. Она посмотрела ему в глаза и сказала:

– Тебе, Матюша, придется жениться на ней! – и ткнула пальцем в Анну, которая тут же покраснела как свекла. Матгемейн растерянно переводил взгляд с одной на другую русскую женщину, тогда Женька напрягла мозг и извлекла оттуда, из его глубин, кое-какие знания английского.

– Will you marry her? – спросила Женька строго, и Матгемейн нахмурился. Анна тут же принялась злиться на Женьку, что та вот так, напрямую, навязывает ее Матгемейну, которому, может, уже не так и надо... Матюша хоть и не знал русского почти совсем, каким-то шестым чувством уловил смысл диалога, но молчал и качал головой.

– Не надо. Не надо marry me! – пробормотала Анна почти зло, но Матгемейн взял ее за руку и кивнул.

– Of course, I will, – прошептал он ей на ухо. – Do you?

Анна окончательно растерялась, растрогалась, расплакалась и осела на лавочку. Все это было неправильно: и эта ужасная ночь, и запах ночлежки, которым они теперь все пропахли.

– Yes! – прошептала Анна в ответ, продолжая беспокоиться. Только тогда немного отпустило, когда Матюша притянул ее к себе, поцеловал в губы и торжественно повел к выходу из центра временного содержания нелегальных мигрантов – прямо в светлое, российско-ирландское будущее.

Маленькая проблема с субординацией

Беременность – большое счастье, хотя и не все и далеко не сразу соглашаются признать это. Есть разные темные личности, считающие этот естественный и весьма важный процесс настоящей катастрофой. К примеру, если беременность случайная, незапланированная – именно Женькин случай на самом деле. Роман с Анниным братцем, длинноволосым хиппи, начался с бурного и отчаянного секса в застрявшем лифте, когда они двое скорее стремились разозлить таким интересным способом друг друга. А закончилось все беременностью и торжественными проводами Ванюшки в армию. Ах да, еще эта разница в возрасте – почти шесть лет. В общем, радоваться особо нечему.

Но все радовались. Ванька радовался, а также остригся почти налысо и попросил Женю ждать его из армии. Она даже умилилась: не каждой удастся услышать такое в двадцать девять лет. Беременность, которая свалилась Женьке как снег на голову, также была проблемой в том смысле, что где жить и на что жить было не очень-то понятно. Сейчас, пока на работе о беременности еще никто не знал, можно было продолжать снимать квартиру, управлять «Хендайчиком», делать вид, что все разрешится само собой. Но факт заключался в том, что ответов на эти вопросы не было до сих пор.

Маме Женя так и не сказала о беременности, хотя за время ее течения была в гостях у «сказки» уже дважды. Мама спрашивала, как у Жени дела и почему она совсем за собой не следит – у нее прыщи и кожа не в порядке, такую никто замуж не возьмет. Мама стряхивала с Жениного рукава несуществующую пыль и вытирала несуществующую грязь с уголков ее губ, используя при этом обслюнявленный кончик носового платка. Женина мама всегда считала, что ее дочь – неудачный ребенок, тот самый, на котором природа отдыхает. И что, сказать ей о том, что она «залетела» от молодого (настолько молодого, что он ушел в армию) парня, который до этого вылетел из двух институтов? О, достойный штрих в общий портрет. «Эх, Женечка, и когда ты только повзрослеешь?» Нет уж, о беременности маме пусть лучше кто-то другой говорит. Или она узнает о ней, когда увидит Женю, толкающую вперед колясочку.

И был еще один человек, которому Женя не стала говорить о беременности, зная точно, что никакой радости от этого не испытает. Алексей. Реинкарнировавший Малюта Скуратов, ее босс и по совпадению самый ненавистный человек на свете.

– Ты опоздала! – Алексей встретил Женю в коридоре их офиса, практически в дверях. С тех пор как Женя вернулась на работу, он, кажется, не занимался ничем больше, кроме как ловлей и фиксацией ее промахов.

– Всего на минуту! – вытаращилась на него Женя, думая со всем возможным удивлением, что ведь когда-то была всерьез влюблена в этого сукиного сына. Как это работает? Ведь сейчас, по прошествии нескольких месяцев, после всего того, что пришлось пережить, она так ясно, так четко видит, кто именно перед ней.

– Хороший работник приходит на работу на десять минут раньше! – пробормотал сквозь зубы Малюта Скуратов³ и демонстративно кивнул в сторону секретарши Эли, которая перебросилась с Женей сочувственным взглядом. Они обе ненавидели Алексея. На самом деле его нельзя было не ненавидеть, так как нельзя было не любить Анну. Алексея должны были ненавидеть все. Он был груб, несправедлив, самоуверен, труслив и тащился от собственной внешности. Он мог несколько минут простоять в холле, глядя на свое отражение в шкафу с бумагами – затемненное стекло прекрасно отражало его старательно остриженную «стильную» бороденку, его старательно уложенную «небрежную» прическу, его очки за пятьсот дол-

³ Любимый опричник и помощник Ивана Грозного. Имя «Малюта» сделалось в народе нарицательным названием палача и злодея.

ларов, подобранные так, чтобы оттенять и уводить внимание от его не слишком выразительных глаз. Ему хотелось, очень хотелось выглядеть эдаким золотым мальчиком, беззаботным и расхлябанным, ни о чем особенно не заботящимся, удачливым прожигателем жизни.

Но Малюта Скуратов был только менеджером, пусть и старшим. Он копил деньги на дорогие вещи, отчего был жаден с девушками. Мог всерьез задумываться, стоит ли пригласить на свидание Карину, новую девушку, которую перевели к ним из главного офиса. Она ему нравилась, но у Карины были запросы. Она могла пойти с ним в ресторан, а потом еще и отказаться «давать». Алексей в таких случаях все-таки обычно не рисковал и старался найти девушек с меньшими запросами. Как можно было этого не заметить, как можно было нарисовать себе совершенно другой образ – нарисовать и даже почти влюбиться в него, – одному господину ведомо. Мы, женщины, и не на такое способны. Впрочем...

Впрочем, и сам Малюта Скуратов этого ничего про себя не понимал. Он воспринимал себя так, как если бы был Максим Померанцев, Олеськин мучитель. Но им не был, в этом-то все и дело. Он не был Померанцевым, только тщетно стремился на него походить. Хорошо еще, Алексей никогда не видел Максима Померанцева, не общался с ним, а то бы захирел от тоски и от понимания того, как непроходимо велика пропасть между ними. Но ненавидела Женья Алексея не за это. За то, каким он был человеком, его можно было только пожалеть. Ненавидят обычно тех, кто совершает подлости, так ведь?

– Хороший работник – это определенно я, – влетела в офис с десятиминутным опозданием Карина, и Малюта Скуратов моментально потерял интерес к Жене Славяновой. Это было хорошо. По крайней мере сейчас он не собирается портить ей жизнь. И если, к примеру, вдруг станет плохо, он не будет маячить около женского туалета, подсчитывая, сколько времени она там провела.

– Карина, а опаздывать нехорошо! – кокетливо пропел Алексей, на что Карина только встряхнула головой и бросила что-то про клиента, с которым встречалась у метро. Алексей этим и успокоился (естественно), а Женья сочла за лучшее укрыться в своем «кубике» за компьютером. Она действительно не очень хорошо себя чувствовала, особенно после всех этих ночных разъездов с Анной, и теперь надеялась на то, что Карина как-то отвлечет кота Алексея от своей излюбленной мыши. Ну, не было у нее сегодня на это сил. Наверное, он почувствовал это.

– Евгения, зайдите ко мне с отчетом! – Его голос был четким, строгим и притворно неэмоциональным. Всем своим видом он подчеркивал – между нами сугубо профессиональные отношения, и все, что я делаю, делаю ради блага фирмы. Даже если мне придется тебя убить и съесть, готов на это ради процветания родного предприятия.

– С каким отчетом? – удивилась Женья, ибо никаких отчетов на сегодня он ей не поручал.

– Что? Как? Ты забыла сделать отчет по тушенке? – изумился Малюта. Женья вздохнула и поняла, что играть с ней Алексею все еще не надоело. И сейчас будет разыгран при всех спектакль – как ты могла не сделать отчет вовремя. А все из-за того, что, по глубокому и искреннему убеждению Алексея, Жени тут вообще не должно было быть. Ее тут и не было, ее уволили, уволили из-за него, из-за того, что он ее подставил – трусливо и мерзко, так, как не должен поступать ни один уважающий себя мужчина. И все же – на тебе, она тут, снова здорово, работает на своем месте. И самым своим присутствием постоянно поднимает на свет божий из небытия «ту» историю, тем самым ставя под угрозу и должность Алексея, и его уверенность в себе.

– Вы не давали мне поручения на сегодня по тушенке, – парировала Женья, но Малюта уже появился в их зале, и все сотрудники, включая Карину, были вынуждены выслушать его отповедь о том, что клиенты по тушенке передали все данные продаж из супермаркетов для анализа уже вчера и незачем откладывать все на последний момент. У других же вот получается делать все заранее. А у Жени всегда аврал, всегда все оказывается с ошибками.

– Я сделаю отчет по тушенке к вечеру, – пробормотала Женя, только чтобы не связываться, хотя на самом деле этот отчет нужен был только к следующей неделе. Собрание было назначено на вторник. Но что поделаешь! Если человек – сволочь, с этим приходится мириться.

Несколько месяцев назад Алексей (тогда Женя еще наивно убеждала себя, что он вполне может оказаться «Тем Самым Мужчиной»), попросил Евгению съездить на ее личном транспорте корейского производства... за керамогранитной плиткой, которой не хватило для ремонта крыльца в их офисе. Одному богу ведомо, каким образом проблемы керамогранитной плитки касались маркетолога Жени Славяновой. Но, будучи как бы влюбленной и имея надежды на роман с как ни крути симпатичным Алексеем, она отправилась на другой конец Москвы, где затем лично грузила тяжеленную плитку в малюсенькую машину. Совершая этот подвиг, Женя тягала тяжести и рисковала своей детородной функцией, риск не оказался, слава богу, травматичным – тьфу-тьфу, пронесло. Вернувшись в родной офис, Женя застала там пустоту – была пятница, и все расплозлись по дачам, так что детородной функцией пришлось рискнуть еще раз – и выгрузить плитку в офисный коридор.

В понедельник на собрании выяснилось, что Большой Босс из центрального офиса нанес визит в их филиал именно в то время, когда Женя уехала за плиткой, а Алексей просто уехал, бросив офис. Большой Босс потребовал большой крови, и Женя была принесена в жертву интереснейшим способом – Малюта заявил, что не она, а он ездил за плиткой, и предъявил счет-фактуру – ее счет-фактуру – в качестве подтверждения.

Большой Босс поверил. Более того, он был ярым женоненавистником, и Женя в ту же самую минуту оказалась на улице. Ее смутные надежды, что Алексей (мужчина ее потенциальной мечты) каким-то образом защитит ее, рассеялись, когда он заявил, что ему нужно выплачивать кредит, а она может и другую работу найти.

Все это так бы и кончилось, потому что доказательств собственной правоты у Жени не было. Фирма, где ей отгрузили кафель, отказалась что-либо подтверждать, справедливо полагая, что участвовать в разборках – это себе дороже. Алексей, разъяренный (и напуганный) Жениными попытками защитить свое доброе имя, уволил ее по статье за халатность, и несколько месяцев после этого Женя просто скатывалась в пучину депрессии, самокопания и самоуничтожения, к которому была так хорошо приучена с детства.

Пока не появился Ванька. Сначала этот волосатый хиппи дразнился, потом они навсегда опорочили и лишили честного имени лифт в доме Анны, а затем этот молодой и ветреный парень пошел, подкупил кого-то и нашел видеозапись, где Евгения, ковыляя на десятисантиметровом каблуке, таскает плитку к машине – и со временем, и с датой на записи.

– Как вы думаете, что скажет трудовая инспекция, когда узнает, как и за что вы уволили ни в чем не повинную женщину? – поинтересовался он у юристов из центрального офиса. Юристы почесали затылки своими дорогими паркерами и – недаром они столько зарабатывали, что хватало на паркеры, – решили тут же заключить с Женей мировое соглашение, выплатить компенсацию и восстановить на прежнем месте.

– Никогда бы не подумала, что ты – мой самый настоящий герой, – ухмылялась Женька, пока Ванюшка маниакально рубился в танки на ее компьютере.

– Господи, я хочу служить в танковых войсках! – вот что он воскликнул тогда, обходя виртуальное препятствие. Ребенок, и только. И все же, для вящего Жениного шока, самый мужественный и честный из всех, с кем она имела дело. Когда они провожали Ванюшку в армию, Женьке пришлось сделать серьезное усилие над собой, чтобы подойти к нему на глазах у толпы призывников и, главное, скрупулезно рассматривающих ее подруг и поцеловать на прощание. Год – это не очень много, но только не в том случае, если ты ждешь ребенка. Женя не плакала, когда прощалась с ним, но много плакала потом, дома.

– Ты только не волнуйся, у нас все будет хорошо, – обещал ей Ванюшка.

– Тебя даже не будет рядом, когда я буду рожать, – всхлипнула она и убежала, чтобы не показывать слабости на людях. И не позорить Ванюшку, особенно после всего того, что он сделал для нее. Для них.

То, что Алексей Чурков – новоявленный Малюта Скуратов останется на своем месте даже после того, как выяснится, как грубо и мерзко он свалил свой прогул на подчиненную, было большим и совершенно неожиданным сюрпризом для Жени, когда она вновь пересекла порог своего родного офиса. Можно с уверенностью сказать, что и для него это было таким же шокирующим событием. Юристы просто недосмотрели, это ясно. Если бы они дали себе труд подумать, они бы не допустили такой взрывоопасной ситуации – они уж одного бы, но уволили. Впрочем... На то они и юристы. Уволишь Алексея – он тоже начнет жаловаться и писать. Уволишь Женю – тут уж гарантированно получишь кучу проблем. Почему бы их всех не запихнуть в одну банку и не прихлопнуть крышкой. Кто-нибудь кого-нибудь съест, и кто-нибудь в результате обязательно уволится. Что особенно хорошо – по собственному желанию.

– Чтобы к обеду отчет лежал на моем столе! – заявил Малюта, покидая кубическое пространство офисного планктона. Но еще до того, как он окончательно исчез за дверями, Женя почувствовала волну недомогания, подкатывающую к ее желудку – знакомую волну, сопротивляться которой было невозможно, а промедление было смерти подобно.

– Извините! – пискнула Женя и, пролетев мимо изумленного Алексея, рванула в туалет.

– Черт, черт, черт! – чертыхалась она про себя, обнимая унитаз. Беременность в офисе маркетинговой фирмы – это отстой. В таком состоянии куда правильнее лежать дома, только что делать, если даже дом съемный. Женя попыталась расслабиться и отдаться потоку. Она представила, как внутри нее сейчас сидит маленький человечек, который будет потом ее ребенком, который будет ее любить, с которым она будет разговаривать обо всем на свете. Главное, чтобы между ними не сложились такие же отношения, как между Женей и ее мамой.

– И скоро ты там? – Женя с ужасом услышала голос Алексея из-за двери кабинки. Ого, он пошел за ней в туалет. Это что-то новенькое. Что же будет дальше? Что он будет делать, когда поймет, что Женя беременна и через некоторое время она будет не столько работать, сколько получать декретные и отпускные? О, она могла представить себе его утроенную ярость. И самое ужасное, что это могло произойти прямо сейчас – он может все узнать прямо по ее выходе из кабинки. Женя попыталась, как могла, привести себя в порядок. Хорошо, у нее были в сумке влажные салфетки, мятные конфеты и духи. Нет, духи – это уж перебор. Не дай бог, этот гад подумает, что она снова стала испытывать к нему нежные чувства.

– Мы не платим тебе за то, чтобы ты пряталась от работы в туалете! – прокричал Малюта, и именно в этот момент дверь кабинки открылась, и Женя вышла оттуда с максимально невинным видом, на который только была способна. Главное, чтобы сейчас только не накатилась новая волна. С этим никогда не предугадаешь.

– Я уже иду работать, – прошептала Женя, чувствуя в буквальном смысле следы от его прожигающего взгляда. Алексей смотрел на Евгению пристально и задумчиво, пытаясь понять и предугадать, что она задумала и какой ее следующий ход. То, что ей удалось пролезть обратно в фирму, показало, что он недооценил ее. И больше он не собирался допускать такой ошибки. Алексей сощурился.

– Ты плохо себя чувствуешь?

– Нет-нет, все в порядке, – замотала головой Женя, пожалуй, немного сильнее, чем того требовал момент.

– Ты не можешь рассчитывать на то, что какой-нибудь ОРВИ избавит тебя от работы. Имей в виду, если ты возьмешь больничный, я буду каждый день проверять, что ты действительно больна. И потребую официального медицинского заключения.

– Довольно странный разговор для такого места, – фыркнула вошедшая в двери Карина. – Вы позволите?

Малюта оглянулся, нахмурился и вышел. На этот раз попытка была приостановлена. Что ж, признаться, он был в чем-то прав. Женя подумывала о том, чтобы взять больничный, но теперь решила, что лучше уж потерпеть.

– Господи, какая же он свинья! – возмутилась Карина. – Как ты можешь это выносить, я бы, наверное, уже впечатала ему пощечину.

– А он бы на тебя подал рапорт в милицию, – усмехнулась Женя. – Мне нужна эта работа.

– Всем нужна работа. Но терпеть этого козла! – Карина пожала плечами и скрылась в кабинке. Женя подошла к умывальнику и принялась умываться холодной водой. Прикосновение ледяной воды к лицу было божественным. Кажется, она действительно не слишком хорошо себя чувствует. И как она вытерпит все эти месяцы? А что, если все это вредно для ребенка? Что же делать? Женя вышла из туалета, чувствуя себя совершенно разбитой, усталой, сломленной. Если бы только она не прокаталась полночи с Анной. Ребенок требует отдыха и пищи. Он внутри Жени совершенно не хочет заниматься отчетом по тушенке. Ребенок – вот что самое главное. Женя вдруг подумала, что сама могла бы еще потерпеть любого козла. Всю свою жизнь она терпела, а об нее в том или ином смысле вытирали ноги. Но ребенок – ради него она должна что-то сделать. Впервые в жизни Женя почувствовала, что она сама для себя куда ценнее и важнее, чем что бы то ни было и кто бы то ни был еще.

Жаль, Ваньки нет рядом. Он бы ухмыльнулся и сказал, что нужно немедленно придумать какую-нибудь омерзительную каверзу, подставить Алексея как-нибудь, что-нибудь такое устроить. Да, жаль, что Ваньки нет рядом. Но Женька-то есть. И Анна есть. И Нонна – о, Нонна же сертифицированный мастер по организации проблем для других людей. Родители ее учеников стонут под грузом ее домашних заданий и боятся ее больше, чем директора школы. Сама Женя долгое время боялась Нонны. А еще есть Олеся, есть Померанцев, который сам – тот еще тиран и деспот, а это значит, что может посоветовать что-нибудь тираническое и деспотическое. Если, конечно, будет в настроении.

Женька подумала о том, что скоро будет ее день рождения – тридцатый, чтобы ему пусто было. Уже тридцать. Ладно, сейчас не об этом. Надо созвать всех и заставить их думать. Против такой силы ни один такой жалкий фигляр, как Алексей, не устоит.

«Выпьем, няня, где же кружка?»

Тема свадьбы накрылась сама собой, и правда о том, где была Олеся в момент вероломного предательства Померанцева, так и не всплыла на свет божий. Два человека, одновременно не явившиеся на собственную свадьбу, продолжали тем не менее жить вместе не то чтобы счастливо – это слово меньше всего подходило к тем отношениям, что их связывали, но – жили. Фактически третий год, если не брать в расчет тот, когда Померанцев уехал в свою кругосветку за вдохновением и порвал на это время с Олесей. Как он потом сказал, не хотел ее держать. Как она поняла, сам не хотел быть ничем связанным. Олеся была бы рада понять, что вообще в нее входило. Она совершенно не понимала мужчину, к которому была физически, эмоционально и психологически прикована, как маленький винтик к огромному магниту.

Познакомились они на какой-то вечеринке. Олеся – начинающая, никому не известная актриса, что не изменилось, кстати, до сих пор. Максим – журналист с дипломом МГУ, со статьями в разделах по культуре разных журналов, обзорами по архитектуре Италии, колонками на нескольких серьезных порталах. Его родители погибли в автокатастрофе, но сам он никогда не говорил об этом. Олеся узнала от подруги – тогда еще она думала, что Лера – это просто хороший старый друг, и не знала, насколько близко Максим и Лера дружат. Она жила в одном из переулков на Старом Арбате, и Померанцев любил «зависать» у нее. Они дружили со школы и, видимо, слишком хорошо друг друга знали, чтобы по-настоящему любить.

Олеся ненавидела Леру, но знала, что ничего не удастся с этим поделать. Да и зачем? Максим все равно найдет, как сделать ей больно. Но иногда... Как сейчас...

Олеся лежала на полу и смотрела снизу вверх на то, как Максим работает. Он сидел, полуголый, в одних шортах, и сосредоточенно печатал что-то, а она следила за тем, как его плечи – широкие, сильные, загорелые еще с лета, вздымаются и опускаются. Совсем чуть-чуть. Вверх – вниз. В большое окно, совмещенное с балконной дверью, били солнечные лучи, уже неяркие, вечерние, рыжие и не жгучие. Максим не разрешал смотреть на то, что он пишет, не разрешал читать готовые тексты, но смотреть на себя иногда позволял, если Олеся вела себя очень, очень тихо.

Олеся знала, что Максим дописал книгу и что это – не набор статей о каком-нибудь периоде в искусстве Венеции и не авторский обзор какого-нибудь места, в котором побывал. Когда Максим уехал странствовать, написал много таких обзоров, размещая их на сайте, который был создан специально ради его путешествия. Сайт был красивым, статьи – интересными, но местами чересчур заумными, а фактически Максим не написал ничего особенно нового, поэтому сайт так и не набрал никакой популярности. Однажды он разместил там, на сайте, целую серию фотографий кокосовых пальм. Предполагалось, что это будет воспринято как своего рода искусство. Олеся считала, что это просто много кокосов в разных ракурсах. Ну, кокосы. И что?

Померанцеву она, конечно, ничего подобного не сказала. Они тогда, собственно, и не поддерживали никакого контакта, хотя Максим наверняка знал, что она следит за его сайтом. И ненавидит, когда там появляются фотографии, где он улыбается, где стоит рядом с какими-то местными аборигенами (а скорее, аборигенками), которые тоже улыбаются.

Так или иначе, надежды Максима не сбылись, и сайт так и остался висеть на просторах Интернета, никем особенно не читанный, и денег никаких особенных сайт не принес. Это, конечно, порадовало израненную и оттого злорадную душу Олеси. Но, вернувшись, Максим решил написать книгу. Черт его знает какую и черт его знает о чем. Но именно книгу, именно художественную. Видимо, накопилось впечатлений. А может... Признаться, Олеся понятия не

имела даже, в каком жанре эта книга была. Ни разу за прошедшие месяцы Максим не оставил компьютер включенным, ни разу не забыл активировать пароль.

– Ты не устала так лежать? – спросил он, выдергивая Олеся из тихого, неспешного потока мыслей и воспоминаний, в большинстве своем болезненного. Что она в нем нашла? Помимо того, что Померанцев красив и невообразимо небрежно поправляет упавшие на глаза волосы.

– Не устала. Тренирую шею, – ответила она, потянувшись всем телом.

– Собираешься играть кобру? – Максим спросил шутя, не думая, продолжая смотреть в экран.

– Для роли змеи я не так ядовита, – усмехнулась она и перевернулась на бок. Прямо сейчас по одному из дециметровых каналов должны были показывать их шоу – «Крэйзи тим», – где Олеся со своим самым ярким актерским недругом Каблуковым изображали психов и гонялись за какими-то сокровищами. Шоу заканчивалось на этой неделе, слава тебе господи.

– Скажи, почему ты решила стать актрисой? Ведь у тебя нет никакого таланта, – пробормотал Померанцев, распечатывая листы. Принтер жужжал, выплевывая их один за другим. То, что он считает Олеся бездарностью, не было для нее никакой тайной – Максим всегда так считал и ни от кого не скрывал, говорил это везде и при всех, вслух, не стесняясь.

– Скажи, а зачем ты уехал в свою кругосветку? Ты ведь тоже хотел прославиться? Многие люди прославились после такого, правда? – промурлыкала Олеся в ответ и с радостью (и страхом) отметила, как напряглись его плечи.

– Мне наплевать на известность, ты знаешь, – сказал он, нахмурившись. О нет, Рожкова так не думала. Ему не было наплевать, это уж точно. Он очень даже хотел стать известным и чтобы журналисты брали интервью, а все знакомые говорили – ну, это же Померанцев! Чего вы хотели? Это было предопределено.

– А я просто люблю кривляться. – Олеся встала с пола, подошла к зеркалу на стене и принялась корчить рожи – упражнение, которому ее учили еще в «Щуке». Смена эмоций, моментальный переход от счастья к горю и обратно. Главная проблема не в том, чтобы показать эти эмоции, хотя и это далеко не просто. Даже самый простой набор эмоций: радость, удивление, огорчение, подозрение, усталость, отчаяние, экстаз, страх, ярость – у большинства людей получался на редкость однообразно. А Олеся, между прочим, всегда входила в это самое большинство. Ярость, отчаяние и огорчение, к примеру, в итоге оборачивались одной и той же маской. Лицо далеко не у всех такое уж «говорящее». Олеся старательно «списывала» интересные выражения с чужих лиц, иногда запоминала, а иногда и фотографировала, а потом пыталась воспроизвести у зеркала, заставляя мышцы лица сокращаться и расслабляться не свойственным им образом. Также она нашла в Интернете забавную таблицу лиц с эмоциями и иногда по утрам в качестве зарядки просто делала все эти лица, исполняя номер настолько хорошо, насколько могла.

– Господи, ты опять! – поморщился Максим. Его лицо было очень даже «говорящим», и Олеся зачастую копировала именно его мимику, стараясь скрыть этот вопиющий факт. Он бы этого не одобрил. У кого-то талант, а у кого-то только один шанс – тренировка, учеба и практика. Олеся хотела успеха. Причем, в общем-то, совершенно любого. Успех позволил бы ей зацепиться и остаться на экране, в кадре или под светом софитов. Актеров было так много, а места на сцене было так мало.

– Я сегодня буду играть бабушку. Надо же мне порепетировать. – Олеся подумала, что Померанцеву куда сложнее, чем ей. Он хочет только определенной славы. Такой, чтобы он не просто был известен, а чтобы был гений, открытие года, чтобы никто никогда ничего подобного.

– Бабушку? Я видел этот спектакль? Это где?

– Молодежный студийный театр. Тебе будет неинтересно.

– Сколько можно бесплатно играть для любительских театров? – скривился Максим. Олеся оторвалась от зеркала, где докривлялась до того, чтобы делать пятачок из собственного носа, и подошла ближе к столу. Она перегнулась через стул и бросила взгляд на лист, упавший со стола на пол. Ее взгляд успел выхватить страннейшую, по ее мнению, фразу.

«...Колючка и Главный склонились над лицом Неизвестного, совали пальцы ему в нос и в рот, рвали волосы и давили ему на глаза...»

– Кто такой Главный? – спросила Олеся самым нейтральным голосом, на который была способна.

– Иди отсюда! – моментально взвился Максим. – Я же просил! Ты не должна мешать, все равно не поймешь!

– Почему ты считаешь, что не пойму? Что именно не пойму? – обиделась Олеся. Она знала, что лучше было бы не читать эту чертову фразу или хотя бы не задавать вопросов, не лезть под руку, не нарушать запретов. Но все это сейчас было так далеко, а она была взбешена этим. Не поймет? Почему это? В институте ей постоянно приходилось читать, читать и читать – сценарии, книги, пьесы. Они ставили Кафку, этюды по Манну, заучивали наизусть длиннющие монологи из творений Аристотеля или Аристофана. Олеся уже не помнила точно, чьи именно, но тогда она читала, и заучивала, и вгрызалась в самые заумные слова.

– Ты всегда так делаешь. Специально, да? Чтобы позлить меня? И чего ты хочешь добиться? Чтобы ушел? – Максим вынул листы из принтера, но они вдруг рассыпались по полу, и он бросился их собирать, а Олеся, действительно назло, подпрыгивала и вырывала куски фраз.

– Я хочу знать, о чем ты пишешь! Что в этом плохого? Ты же уже дописал, так почему не дашь мне читать? Потом книга выйдет, и все равно ее все прочтут! – кричала Олеся, пока Максим лихорадочно запихивал листы в папку.

– Уходи! – крикнул он. – Иди отсюда!

– Ну опять?! – Она отпрыгнула, потому что Максим чуть было не задел ее плечом, проходя мимо нее так, словно бы ее уже тут не было.

– И слышишь – я запрещаю, да, запрещаю тебе читать мою книгу. Даже когда она выйдет. Ты не смеешь. Потому что в тот день, когда ты ее прочтешь, между нами все будет кончено.

– Что? – вытаращилась Олеся. – Из-за того, что я прочту книгу?

– Ничего! Я просто не хочу, чтобы ты это делала. – Максим сощурился. – Это не для тебя написано.

– А для кого?

– Для других людей. Ты все равно не поймешь, не дано. Ты же как попугай повторяешь чужие слова, никогда не понимая их значения. Считай, это такой мой запрет. Заповедь для тебя, моя дорогая Ева. Нарушишь – и я изгоню тебя из Эдема.

– Я тебя ненавижу, – процедила сквозь зубы Олеся, а затем развернулась и вышла в коридор.

– Не сомневаюсь. Можешь ненавидеть меня, так даже лучше. Но не смей читать книг. Не читай вообще никаких книг, слышишь?! – Максим кричал вдогонку, а Олеся бежала в ванную комнату, пытаясь заткнуть себе уши.

– Да пошел ты!

– Иди сама, – неожиданно зло отозвался он. – Ненавидит она меня. Какое счастье, что я не приехал на свадьбу. А что, если бы я на тебе женился? Какая была бы проза, боже мой! – Олеся слышала все это, хотя и закрыла уши руками. Слишком тонкие стены.

Впрочем, сколько раз она слышала это в разных вариациях, с модификациями в сторону того, какая у нее посредственная внешность, и какая прилипчивая она, и как он не понимает, что делает тут, рядом с ней в квартире, больше похожей на помойку.

– Я не собираюсь читать твою книжонку!

– Иди, играй свою бабку! Разве тебе не пора в твой отстойный театр?! – Голос Максима раздался очень близко, прямо из-за двери. Он говорил теперь очень, очень спокойно. Олеся открыла дверь и увидела его. Неожиданно полностью одетый и с папкой в руке, он стоял в дверях и смотрел на нее.

– Ты уезжаешь? – Олесин тон моментально изменился, и она тут же пожалела, что вообще затеяла все это. Что бы Померанцев теперь ни ответил, что бы она ни сказала ему, он точно не придет сегодня домой. Лера это будет или один из миллиона его приятелей, которыми буквально набита Москва – какая разница. Он просто так не спустит того, что Олеся посмела ему наговорить. Она еще только думала об этом, а у нее уже болела голова.

– Только после вас. – Максим улыбнулся с саркастической галантностью.

– Не уезжай. – Лера была наиболее вероятна.

– Олеся, не устраивай сцен. У меня встреча с издателем, – сказал он тем же тоном, каким в свое время пробормотал «ясейчасвернусь». Олеся запаниковала и встала перед ним в проходе.

– А потом ты домой, да? – спросила она, заглядывая ему в глаза. Максим вздохнул, взял ее за талию, поднял и переставил позади себя, чтобы освободить путь.

– Я не буду ничего читать, обещаю, – пробормотала она.

– Это хорошо, потому что, если ты прочитаешь, я сразу уйду, все будет кончено. Про заповедь тебе – это я сказал серьезно, без шуток. И потом, мне совершенно не нужно ни твое мнение, ни твоя поддержка. Зачем тогда тебе напрягаться и читать?

– Почему тебе ничего от меня не надо? Что ты тогда вообще тут делаешь? – Олеся чувствовала, как против воли начинает злиться. Американские горки, с которых никогда не дают сойти на твердую почву. Максим взял ее за подбородок и чмокнул в губы.

– Я люблю, как ты стонешь во время секса. Это мне нравится, – пожал плечами он, закидывая рюкзак за плечо. – Это мне от тебя нужно, больше ничего.

– Я научилась этому на первом курсе. – Олеся проводила взглядом его исчезающую фигуру.

– Что ж, хоть какая-то польза от твоего обучения, – донеслось до нее уже с лестницы. Олеся бросила взгляд на часы. Спектакль начинался в восемь, ехать туда, в эту студию, было не больше получаса. Пока будет идти спектакль, Олеся, в сером пальто с каракулевым воротничком, в вязаном платке, в галошах и варежках, будет почти счастлива, потому что не будет помнить ни о чем. Она будет этой старушкой, повадки которой в свое время подсмотрела частично у бабы Ниндзи, она будет ворчать, будет поливать фальшивый огород из вполне настоящей лейки. Но потом спектакль кончится, а Померанцев не вернется сегодня домой. Только не после такого.

Этого не нужно было и проверять. Она отыграла спектакль – зрителей было всего ничего, человек двадцать, но для Олеси это не играло никакой роли. Спектакль был хороший, и она в нем была не так уж и плоха. Ей нравилась роль, она много готовилась, снимала саму себя на видеокамеру, смотрела, что можно сделать с пластикой, чтобы выглядеть не только старой, но и смешной. Иногда ковыляла, как самая настоящая жертва тяжелого многолетнего артрита, иногда вдруг подпрыгивала или подкрадывалась к другим актерам как молодая, вызывая у аудитории смех. Это было хорошо – слышать этот смех. Это примиряло Олесю с остальной действительностью.

– Ты была сегодня прям на высоте! – отметил другой актер, молоденький студент ГИТИСа. Молоденький-то молоденький, первый курс, а уже главная роль в этом спектакле. Олеся чувствовала себя с ними чудовищно старой.

– Спасибо, я просто... – Олеся не знала, что она «просто», так что «просто» кивнула и ушла в гримерку – смывать старость со своего двадцатичетырехлетнего лица. Домой она бы не пошла в любом случае. Позвонила бы Анне, напросилась бы в гости, осталась бы у нее ночевать... Но Анна не отвечала, видимо, была у клиента. Она много стригла по квартирам, изыскивая любые ресурсы и средства, чтобы рассчитаться со своими долгами.

Олеся попрощалась с другими актерами и вышла на ночную улицу. Можно было пойти к Нонне, но она живет всего через стенку от Олеси, их квартиры граничат балконами. И сидя у нее, Олеся будет слишком хорошо чувствовать, что Померанцева нет дома. Что он у Леры. Даже если он не у нее, Олеся все равно будет так думать. Нет, нельзя ехать к Нонне. Женька – ее трогать вообще грех. Валить все эти эмоции на беременную женщину – нет уж.

Олеся перебирала в телефонной книжке номера. Их было много. Каждая актриса хранит любые контакты на всякий случай. Продюсеры, которые так и не перезвонили. Администраторы проектов, куда Олесю не взяли. Редактор с «Первого канала» – просто чтобы в телефоне был контакт такого уровня. Режиссер, который когда-то хотел снимать фильм про провинциальный театр и намекал, что Олеся может его устроить. Какие-то любители игры в мафию. Куча народу, никого, к кому можно было бы завалиться на всю ночь. Не к Каблукову же ехать?

Олеся прошла немного по улице, потом села на метро и доехала до Арбата – черт его знает, почему и зачем. Потому что знала, что там недалеко жила Лера? Возможно, Нонна в чем-то и права, когда говорит, что Олеся сама себя мучает и что в ней есть определенно что-то мазохистское. Рожкова прошла по гудящему, полному ночной жизни Старому Арбату, а затем завернула в один то ли клуб, то ли бар – во всяком случае, хоть там и звучала живая музыка, какой-то жуткий гроыхающий Hardcore, но пускали туда без билета и без приглашения.

– Что будете пить? – Бармен подскочил к Олесе буквально сразу, распознав в ней готового клиента – одного из тех, кто будет пить и будет пить много. Она вздохнула, улыбнулась, отвела за ухо выпавшую прядь тяжелых черных как смоль волос и кивнула.

– Буду. Буду пить, – и заказала «Секс на пляже», который был приторно сладким, но при этом с сильной кислинкой и, конечно же, с немного большим количеством водки, чем положено по рецепту. Клиента нужно разогреть. Олеся отпила немного «секса» и улыбнулась бармену.

– Что, как дела? – спросил он, видя, что Олеся скучает и не против перебраться парой слов. Может быть, даже ласковых.

– Дела отлично! – прокричала она поверх хардкора. – Только что прилетела.

– Откуда прилетели? – спросил бармен, которому, уж конечно, на самом деле было плевать, кто и откуда прилетел. На Арбат только и стекались люди, которые либо прилетели откуда-то, либо собирались улетать. Олеся отхлебнула еще один приличный «сексуальный» глоток, и настроение стало игривым.

– Да откуда я только не прилетела. Господи. – Она вытаращила глаза и сделала выражение лица удивленным (как с таблицы эмоций, детское изумление номер два).

– Что такое? – заинтересовался бармен.

– Я вообще-то не могу вспомнить, откуда прилетела. Я вчера совсем не выспалась, шел какой-то ужасный дождь, все промерзли как собаки. Потом еще и болтанка эта. – Олеся говорила и одновременно достала из сумки косметичку, принялась ковыряться там и что-то искать. На самом деле ничего ей там, в косметичке, не было нужно, но это тоже была часть игры. Говорить и делать что-то одновременно – это всегда притягивает внимание. Театральные актеры в спектаклях, пожалуй, даже чересчур пользуются этим. Актеры не могут и не должны просто

говорить. Они должны при этом наливать чай, убирать чашки, расставлять чашки, переставлять чашки с места на место или... искать что-нибудь в сумке. Это придает достоверности действию. Даже Гамлет, принц Датский, не просто так произносит свой монолог. Он балуется с черепом, приковывая к себе взгляды.

– Много летаете? – заинтересовался бармен. Олеся извлекла помаду и принялась неторопливо красить губы. Понятное дело, говорить и красить губы одновременно невозможно. Пауза – это тоже клево. Олеся краем глаза заметила, что парочка ребят за барной стойкой краем глаза поглядывают в ее сторону.

– Работа такая, – пробормотала она наконец и чуть облизнула губы.

– Вы что, стюардесса? – спросили ребята сбоку, и в их глазах было море интереса.

– Ну да, – с максимально глупым видом пробормотала Олеся. – А я разве не сказала?

– Не-ет! – кивнул бармен. – Еще «секса»?

– Позвольте вас угостить, м-м-м...

– Жанна. – Олеся потянулась, а потом чуть подпрыгнула на сиденье. – Стокгольм. Мы прилетели из Стокгольма. И я должны бы помнить, потому что мы по пятницам почти всегда именно этот рейс делаем, но иногда нас распределяют по-другому, и в прошлую неделю я все время была на южном направлении.

– Серьезно?! – восхитился один из парней. Тот, который менее симпатичный. Более симпатичный просто смотрел оценивающе, прикидывал. – «Стюардесса по имени Жанна»?

– Ох ты, блин, – скривила губки Олеся. – Вы хотя бы представляете себе, сколько раз я слышала эту шутку.

– Ну, простите его, – вмешался второй, симпатичный. – Он у нас дурачок местный.

– Даже не знаю. Я просто хотела немного расслабиться. Честно говоря, я не слишком настроена на какие-то там... – Олеся замолчала и просто сделала глоток.

– Эти раздолбаи что, к вам пристают? – откуда-то из зала к их компании подошел высокий незнакомец в кожаной жилетке. Длинные волосы незнакомца были столь хорошо расчесаны и так блестели, что Олеся с трудом подавила желание спросить, каким шампунем он пользуется.

– Я еще не поняла, но такое возможно.

– Опасно ходить по Москве одной в такое время. Особенно такой красивой девушке, – пробормотал незнакомец. – Особенно стюардессе.

– Скажите, а в скольких странах вы бывали? – снова влез несимпатичный, но активный парень. Олеся радостно и с энтузиазмом разыгрывала из себя усталую, измотанную жизнью в небе стюардессу. Эта игра была – одна из ее любимых.

Правила игры простые, и они в нее часто играли еще в институте – ты должен всех уверить в том, что ты не ты, а стюардесса, или повар, или кинолог (это было особенно интересно, памятуя о том, что Олеся понятия не имеет ни о чем, связанном с собакам). Вторая часть игры – безопасно соскочить. Уйти, чтобы тебя не только не вычислили, но и проводили со всеми почестями, полагающимися стюардессе, идущей в рейс.

– Неужели ты не можешь остаться еще на чуть-чуть? – спрашивал через час Олесю тот, что был самым симпатичным. Идея переспать со стюардессой манила его, и он никак не хотел верить, что такое счастье пролетит мимо него, как «Боинг-747».

– Димочка, мне нужно еще поспать совсем чуть-чуть, а то я завтра усну прямо на регистрации пассажиров! – «пела» Олеся. – Ты сам разве хотел бы такую стюардессу?

– Я очень, очень хочу именно эту конкретную стюардессу, – прошептал ей Димочка, считая, что шепотом это будет более убедительно.

– Ох, даже не знаю. Дай я позвоню своему начальнику. – Олеся достала телефон и принялась набирать номер. В принципе было неважно, какой номер набирать. Главное было потом

сказать, что начальник требует ее в гостиницу прямо сейчас. А гостиница тут за углом, так что провожать ее не надо. Уйти и исчезнуть не расшифрованной.

Но позвонила Олеся не кому-нибудь, а Артему Шебякину. Тому самому режиссеру, с которым она давно была знакома и который когда-то намекал ей на чуть ли не главную роль в фильме про провинциальный театр.

– Олеська! – Артем отреагировал на звонок бурно и радостно, даже радостнее, чем Олеся рассчитывала. – Ты откуда?

– Я тут... в каком-то баре... – Олеся помнила о роли, поэтому она растерянно огляделась по сторонам, словно пытаясь снова вспомнить, в каком она вообще городе. – Тут очень шумно.

– А я тоже в каком-то баре! – радостно воскликнул Артем. – Я в «Гадком койоте»!

– Я сейчас выйду на улицу! Я ничего не слышу! – Олеся сползла со стула, запоздало отметив, что с коктейлями она, пожалуй, перебрала. Наугощали, понимаешь, стюардессу. Ноги стояли нетвердо на шпильках приличной высоты. А ведь еще надо было идти, да еще желательно походкой стюардессы. Игра-то не окончена.

– О'кей. – Артем дождался, пока Олеся выйдет на улицу и таким образом из поля зрения Димочки и остальных любителей Жанны.

– Как ты поживаешь? – спросила Олеся, которая на самом деле понятия не имела, что сказать Шебякину.

– Да все просто в шоколаде швейцарского производства, – хихикнул явно нетрезвый Артем. – Так где ты, моя черноволосая муза? Как ты живешь? И в каком «каком-то баре» ты живешь? Потому что, если ты мне сейчас дашь адрес, я вот возьму, все тут брошу и за тобой приеду.

Олеся оглянулась на вывеску над своей головой. Она была пьяна, в депрессии из-за их ссоры с Померанцевым. Олеся была в паре переулков от дома Леры, где сейчас, скорее всего, был Максим. Но главным образом Рожкова была пьяна – и этого было достаточно, чтобы начать совершать глупости. Она назвала Шебякину адрес, сказала, что тут играет в стюардессу, чем «завела» его еще больше. Через двадцать минут Шебякин вломился в бар и с грозным видом вывел оттуда «снова вконец распоясавшуюся» Жанну, которой завтра лететь в Токио, а она тут... Ай-яй-яй! Ой-ей-ей! В такси они с Шебякиным хохотали как сумасшедшие, вспоминая выражение глубокого разочарования на лице Димочки. А Олеся даже попробовала изобразить это выражение – пригодится на будущее.

Шебякин вез ее к себе в квартиру на Кутузовском, приговаривая при этом, что несколько раз вспоминал Олеся и что сейчас она выглядит даже лучше, чем выглядела, когда он видел ее в последний раз. Она держала в руке открытую бутылку красного вина и старалась не думать ни о чем вообще. Мазохистка? Очень даже может быть. Как будет хорошо, если сейчас напьется и влюбится в Шебякина. С Померанцевым они никогда не хохотали вот так запросто над какими-то самыми простыми вещами. Даже имя, появившись в голове, тут же вызвало болезненный спазм в области сердца. Олеся только крепче сжала горлышко бутылки.

Доброе утро, страна!

Занавесь на окне была белоснежной – такой чистой, словно только час назад была принесена из магазина, распакована и оставлена тут развеиваться на ветру. Окно кто-то оставил открытым, и холодный утренний воздух заполнял просторную комнату, заставляя Олесю еще глубже заползать под бесконечное пуховое одеяло. Шум с улицы уже не беспокоил ее, тем более трудно было распознать, что шумит больше – переполненное машинами шоссе или ее большая голова после вчерашнего.

Такое можно себе позволить только на Новый год. Максимум – на день рождения, но только в том случае, если ты одинока и несчастна. Впрочем, Олеся вполне была и той и другой. Она рискнула высунуть нос из-под одеяла буквально на несколько миллиметров. Солнце светило так ярко, покрывая всю белоснежную поверхность кровати игристым, как шампанское, светом – с бликами и скачущими солнечными зайчиками. Олесе захотелось, чтобы кто-то надел на нее солнцезащитные очки – таким ярким было утреннее солнце.

У Шебякина было красиво и пустынно, самого его не было рядом. Маленькая эскапада со стюардессой закончилась большой попойкой, чего и следовало ожидать. Оставалось ответить только на один вопрос: а где, собственно, сам дорогой режиссер? То, что его не было в постели, рядом с Олесей – это было одновременно и ободряющим фактом, и смущающим. Еще более смущающим фактом был тот, что сама она лежала в постели обнаженной.

Олеся изогнулась и бросила взгляд на пол – ничего. Тогда она завернулась в одеяло – в него бы с десяток таких, как она, поместилось – и попыталась встать. Часов у нее не было, а те, что были на стене, смущали Олесю своей половиной второго. Ночи? Нет, к сожалению, точно не ночи. В котором же часу они легли? Спектакль закончился в одиннадцать. А когда она уехала из бара – тайна за семью печатями. Почему вообще все это случилось.

Ах да. Лера. Сердце стукнуло, но потом оказалось, что не сердце вовсе, а дверь.

– Ого, кто у нас тут проснулся. – Шебякин влетел в комнату свеженький как огурчик и с бутылкой «Сан-Пелегрино» в руке.

– Дай! – простионала Олеся, вызвав тем самым у Шебякина приступ заразительного хохота.

– Никогда не думал, Олеська, что ты так горазда пить! – Она встала и, как была в одеяле, подошла к большому зеркалу в углу комнаты. Лицо отекло и стало похоже на сдутый мячик для игры в воде. Красная какая-то. «О господи, переспала я с Шебякиным или нет?» – забилась мысль, перекрывая боль и похмелье.

– Что я вчера тут творила? – спросила она слабым голосом, а глаза ее внимательно изучали шебякинское лицо. Он был счастлив и улыбочив, как и следовало мужчине, которому вчера перепало. Олеся не была уверена – она не помнила ничего подобного, но ведь вообще не многое могла вспомнить. Вроде бы они говорили о «Крэйзи тим» – Шебякин тоже смеялся над тем, что там выделявала Олеся со своим ненавистным Каблуковым, но смеялся он не так, как Померанцев – не зло, без издевки. Шебякин понимал, что это такое – возможность попасть на широкие экраны страны, любым способом попасть туда, под любым соусом. Актеры – своеобразное племя, они живы только тогда, когда на них смотрят глаза зрителей или равнодушные, горящие красным глаза объективов видеокамер. Шебякин ее не осуждал.

– Так, держи-ка водичку. Ничего особенного ты не вытворила, что, между прочим, меня даже расстроило. В баре ты была куда более «стюардесса», чем у меня.

– Мы играли в стюардессу? – поразила Олеся.

– Много, много разных ролевых игр, – кивнул Шебякин, и она подумала про себя – все, переспала. И немедленный страх, а с ним какое-то странное облегчение. Она тоже теперь не без греха, пусть даже и не помнит об этом ничего.

– Что ж, еще бы одежду найти! – припала к бутылке с водой девушка. Шебякин продолжал сверлить ее взглядом, и Олеся испугалась, что он сейчас захочет продолжения. Взлохмаченная, с больной головой, обернутая в его одеяло – вдруг именно это его и возбуждает. Кто знает. А изо рта, наверное, воняет ужасно.

– Одежда в гостиной, – ухмыльнулся Шебякин. – Вчера ты куда смелее демонстрировала готовность сниматься обнаженной.

– Сниматься? – нахмурилась Олеся.

– Ну да, сниматься, – подтвердил Шебякин. – Ты не видела сценария. Там полно обнаженки. Это же драма, куда ж там без обнаженки? Ведь иначе никто не поверит, что это – настоящее искусство.

– Я против обнаженки ничего не имею, – кивнула Олеся, прикидывая, будет ли приличным сейчас пересечь комнату и убежать за шмотками.

– Это я уже понял, – снова улыбнулся Артем. – У нас с тобой другая проблема.

– Проблема?

– Ты всю ночь жаловалась мне на какого-то Померанцева. Говорила о какой-то свадьбе. А ведь у нас, ты знаешь, главные роли раздаются только через постель. – Шебякин покачал головой и развел руками так, словно его и самого это правило несколько расстраивает, но что поделаешь – порядок есть порядок. Не нами заведено, не нам и нарушать.

– Ты дал бы мне роль?

– О, легко. Ты идеально подходишь, моя дорогая. И сейчас, когда ты вот такая, я только лучше это вижу. В «Крэйзи тим» ты просто дурачилась. Ты все время дурачишься, тебе нигде не дают нормально развернуться, да? Я бы тебе дал.

– Через постель? – уточнила Олеся, чувствуя себя теперь совершенно глупо в этом пуховом одеяле.

– Естественно, – подтвердил он.

– С тобой? Я просто уточняю, только ли с тобой или есть еще список лиц, с которыми придется...

– Только со мной, – в голосе Артема появилась тонкая нотка обиды. Олеся вдруг разом вспомнила, как они кружили вчера у него в гостиной в импровизированном вальсе, как Шебякин попытался ее поцеловать, а она принялась рыдать и говорить, что все бы отдала, чтобы разлюбить Максима.

– Была бы, это точно, – вздохнула Олеся. – Значит, вы всерьез будете делать это кино?

– И ты была бы идеальна в главной роли, – заманивал ее Шебякин. Олеся замерла, и предательское «от тебя не убудет» принялось стучаться в пустую глупую голову. Вспомнила, как вчера разделась – уже совершенно пьяная, – чтобы только доказать, что это для нее не проблема. И читала длиннющий монолог Клотильды из Мопассана, размахивая бокалом, а Шебякин ощупывал ее тело горящими глазами.

– А ты уверен, что я уже не выполнила этого условия? – спросила Олеся наконец, пересекая комнату и открывая двери. Шебякин остался стоять в проходе, вынудив ее протиснуться между ним и дверным проходом.

– Душ там, – бросил он и отвернулся. Кусочки пазла вставляли на свои места с каждой каплей, срывающейся вниз с душевой лейки над головой Олеси – медленно, почти с обратной скоростью события состыковывались со временем. Разбитая ваза с цветами на полу. Шебякин – злой и обломанный, голый и с бутылкой виски в руке. Олеся, тоже голая, на диване, просит ее простить. Даже в состоянии анабиоза, в полнейшей отключке ее тело каким-то загадочным образом стремилось сохранить верность Померанцеву, вздрагивая, как от боли, от прикосновения чужих рук.

– Кефирчику налить? – спросил Артем, держась как ни в чем не бывало. Улыбка, позитив, вежливое равнодушие. Ролей мало, актрис полно. Упустила ты, дорогуща, свой шанс. Ради какого-то долговязого самоуверенного козла, который всегда будет вытирать о тебя ноги.

– С удовольствием! – Олеся сделала приличный глоток и, конечно же, насмешила Артема появившимися на ее лице «усами». Он стер их с ее губ салфеткой.

– Дурочка ты, Олеся. Разве можно так мужика любить?

– Дура я, Шебякин. Полная дура, да, – кивнула Рожкова, допивая кефир.

– Насчет полной дуры, – покачал головой Шебякин. – Как думаешь, если бы пришлось для роли похудеть, ты бы смогла?

– А зачем? – Олеся моментально высунула нос из кефира. – Роль-то ты мне все равно не дашь.

– Не дам. Но просто интересно, смогла бы или нет? Как Рене Зельвегер.

– Она поправлялась для Бриджит Джонс вообще-то. Это-то я точно смогу, – рассмеялась Олеся.

– Ах да, точно, – кивнул Шебякин. – Тебя куда-нибудь подвезти?

Олеся задумалась. Идти домой? Спектаклей сегодня в студии не было, репетиций тоже не намечалось. Солнце за окном все еще заманчиво светило.

– Я прогуляюсь.

– Ну, как знаешь, – пожал плечами он. – А все же... Похудела бы?

– Ради роли? – Олеся откопала из сумки телефон, только чтобы убедиться, что он уже давно умер. – У тебя нет зарядки?

– Только не к такому старью, – покачал головой Шебякин, с жалостью, если не с презрением взирая на Олесин смартфон. Богема, куда деваться. Определенные стандарты подразумеваются.

– Я бы похудела. На сколько бы сказал, на столько бы и похудела, вообще бы жрать бросила. И переспала бы с тобой, если бы не эта вот какая-то ненормальность со мной. Просто не могу. Физически не могу. Что-то на уровне гормонов и подсознания, понимаешь ты меня, Шебякин?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.